ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива вряд ли найдется второй такой талантливый автор.

Ли Чайлд

САД КОСТЕЙ

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты, которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Тесс Герритсен
Сад костей
Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34330463
Сад костей: роман / Тесс Герритсен: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2018
ISBN 978-5-389-15085-0

Аннотация

После тяжелого развода Джулия хочет начать новую жизнь и покупает приглянувшийся старый дом в пригороде Бостона, невзирая на то что прежнюю хозяйку нашли на участке мертвой. Джулия самозабвенно возделывает свой садик и натыкается на скелет, пролежавший в земле около двух столетий. Судмедэкспертиза сообщает, что это была молодая женщина, которая погибла насильственной смертью. Факт, не слишком приятный для владелицы дома, – две смерти на одном и том же месте, при невыясненных обстоятельствах… Однако на них проливают свет старые документы, оставшиеся от прежней хозяйки дома. Постепенно перед Джулией раскрывается таинственная история известного в XIX веке хирурга и талантливого поэта Оливера Венделла Холмса и Вест-Эндского потрошителя…

Содержание

1 7
2 24
3 40
4 63
5 73
6 92
7 106
8 120
9 137
Конец ознакомительного фрагмента. 139

Тесс Герритсен
Сад костей

Tess Gerritsen
The Bone Garden
Copyright © 2007 by Tess Gerritsen
© О. Лютова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Посвящается памяти Эрнста Бруна Тома, который всегда учил меня тянуться к звездам

20 марта 1888 года

Дражайшая Маргарет!

Благодарю Вас за искренние и сердечные соболезнования по поводу потери моей дорогой Амелии. Минувшая зима выдалась тяжелой, поскольку едва ли не каждый месяц уносил с собой одного из давних друзей, по болезни или в силу почтенного возраста. И теперь я с глубочайшим унынием размышляю о тех скоротечных годах, которые еще проведу на этом свете.

Сознаю, что, вероятно, нынче выдалась последняя воз-

можность обратиться к непростому предмету, о коем нужно было завести речь давным-давно. У меня не было охоты говорить об этом, ибо я знал, что Ваша тетушка считала благоразумным держать это в тайне. Поверьте, она поступала так единственно из любви, из стремления защитить Вас. Но я знаю Вас с самого раннего возраста, Маргарет, и видел, как Вы росли и превращались в бесстрашную женщину, коей теперь и являетесь. Я знаю, Вы твердо верите в силу правды. А также полагаю, Вам захочется узнать эту историю, какой бы зловещей она ни показалась.

С тех пор минуло пятьдесят восемь лет. В то время Вы были всего-навсего младенцем и едва ли припомните тогдашние события. В действительности я и сам почти позабыл о них. Однако в прошедшую среду я обнаружил одну старую вырезку из газеты (все эти годы она пряталась в старинном издании «Анатомии» Вистара[1]*) и понял: если вскорости не рассказать об этом, почти наверняка все обстоятельства умрут вместе со мной. С тех пор как Ваша тетушка отошла в мир иной, я единственный, кто может поведать об этой истории. Всех прочих уже нет.*

Должен предупредить Вас, что подробности ее весьма неприятны. Но в этой истории есть и великодушие, и раз-

---

[1] *Каспар Вистар* (1761–1818) – американский врач и профессор анатомии. Имеется в виду его двухтомный труд «Устройство анатомии» («A System of Anatomy»), впервые вышедший в 1811–1814 годах. – *Здесь и далее примеч. перев.*

рывающее душу бесстрашие. Возможно, Вы и не предполагали в Вашей тетушке таких качеств. Почти наверняка она казалась не более замечательной, чем другие седовласые дамы, коих можно встретить на улицах. Но уверяю Вас, Маргарет, она заслуживает чрезвычайного уважения.

Наверняка даже большего, чем любая другая женщина, с которой сводила меня судьба.

Время уже близится к ночи, а после прихода темноты старческие глаза недолго остаются открытыми. Покуда я просто присовокупляю газетную вырезку, о коей упоминал ранее. Если в Вас не зародится желание узнать остальное, пожалуйста, сообщите мне, и я больше никогда не заведу об этом речи. Но если приключения Ваших родителей все же пробудят интерес, я при следующей же возможности снова возьмусь за перо. И Вы узнаете ее, правдивую историю о Вашей тетушке и Вест-Эндском потрошителе.

С нежнейшими пожеланиями,
О. В. Х.

1

Наши дни

«Вот так и заканчивается семейная жизнь», – думала Джулия Хэмилл, вгоняя лопату в землю. Никто ласково не шепнет «прости», сорок лет спустя не сплетутся в нежном пожатии пораженные артритом пальцы, не будет и внуков, скорбящих возле ее больничной койки. Джулия зачерпнула землю и отбросила ее в сторону, камешки рассыпались по растущему холмику. Почва состояла из камней и глины – тут вряд ли что-нибудь вырастишь, кроме ежевичных кустов. На земле, бесплодной, как и брак Джулии, не взойдет ничего долговечного, ничего стоящего.

Надавив ногой на лопату, Джулия услышала металлический звон и ощутила, как отозвался в спине удар штыка о камень – довольно большой. Она немного сместила лопату, но под каким бы углом ни пыталась подцепить булыжник, он не поддавался. Выбившись из сил и вспотев от жары, она тупо уставилась в яму. Все утро Джулия копала как помешанная, и на ладонях, под кожаными перчатками, уже появились потертости и мозоли. Работая, она потревожила облако комаров, и теперь насекомые зудели у нее перед носом и пута-

лись в волосах.

Но деваться некуда – если решила разбить садик, преобразить поросший сорной травой двор, придется вкалывать. А камень ей мешает.

Внезапно задача показалась неподъемной для ее ничтожных силенок. Джулия бросила лопату и опустилась на землю, оказавшись на кучке глины и камней. И с чего она решила, что сможет восстановить сад и спасти дом? Она взглянула на покосившееся крыльцо и облупившиеся стены, вокруг которых беспорядочно росли сорняки. «Придурь Джулии» – вот как надо назвать это место. Купленное в тот момент, когда она не могла здраво мыслить, когда в ее жизни все пошло кувырком. Так почему бы не усугубить разрушение? Это утешительный приз за то, что ей удалось пережить развод. Хоть в тридцать восемь лет у Джулии наконец появится собственный дом с долгой историей и душой. Когда в сопровождении агента по недвижимости она впервые прошлась по комнатам, посмотрела на выпиленные вручную балки, разглядела маленький кусочек старинных обоев, высунувшийся из-под нескольких надорванных слоев более новых, она поняла, что этот дом – особенный. Он взывал к Джулии, молил о помощи.

– Место просто идеальное, – заметила агент. – Дом продается с участком почти в полгектара; так близко к Бостону вы вряд ли найдете что-нибудь подобное.

– Но почему его никто не купил раньше? – удивилась Джу-

лия.

– Вы же видите, в каком он плохом состоянии. Когда мы только подписали договор на продажу, здесь было бесконечное количество коробок с книгами и старыми бумагами, стопки высились чуть ли не до потолка. Наследники вывозили их целый месяц. Дом вместе с фундаментом нуждается в основательном ремонте – это ясно как день.

– Что же, мне нравится его интересное прошлое. И ветхость не помешает мне купить его.

Агент заколебалась.

– Есть еще одна проблема, о которой я должна вам сказать. Если уж совсем начистоту.

– Какая проблема?

– Предыдущей владелицей была девяностолетняя женщина, и она… ну… умерла здесь. Некоторые покупатели относятся к этому брезгливо.

– Девяностолетняя? Значит, естественной смертью?

– Считается, что да.

Джулия поморщилась:

– Причина неизвестна?

– Это случилось летом. Только через три недели ее родственники обнаружили… – Агент внезапно умолкла. И вдруг ее лицо снова прояснилось. – Эх, но ведь участок уникален сам по себе! Вы можете просто взять и все снести. Избавитесь от дома и начнете новую жизнь.

«Так в этом мире избавляются от старых жен вроде ме-

ня, – пронеслось в голове у Джулии. – И я, и этот замечательный ветхий дом – мы оба заслуживаем лучшего».

В тот же день Джулия подписала договор о его покупке.

Теперь же, сидя на куче земли и звонкими хлопками убивая комаров, она подумала: «И что это на меня нашло? Если Ричард когда-нибудь увидит эту развалину, он окончательно утвердится в своем мнении обо мне. Доверчивая Джулия, такая податливая в общении с риелторами. Счастливая обладательница старой свалки…»

Потерев глаза, она размазала пот по щеке. А потом снова поглядела на ямку. Как же можно навести порядок в жизни, если ты не способна собраться с духом даже для того, чтобы сдвинуть с места какой-то дурацкий камень?

Джулия взяла в руки совок и, склонившись над ямкой, принялась соскребать землю. Вот камень стал виднее – показалась лишь вершина айсберга; о тех габаритах, что скрывала земля, Джулия могла только догадываться. Возможно, таким недолго и «Титаник» затопить. Она продолжала разрывать яму все глубже и глубже, позабыв о комарах и солнце, которое напекало непокрытую голову. Внезапно камень стал символом всех препятствий и трудностей, с которыми она сталкивалась в жизни.

«У тебя не получится мне навредить!»

Она принялась рыхлить землю вокруг камня, чтобы как следует все разгрести, а потом просто взять и подцепить булыжник лопатой. Волосы упали на лицо и налипли на вспо-

тевшую кожу, но Джулия продолжала ковырять и рыть, все больше и больше углубляя яму. Она превратит это место в райский уголок еще до того, как его увидит Ричард. Оставалось два месяца до возвращения в школу и встречи с третьеклашками. Два месяца, чтобы выдрать все сорняки, удобрить почву и высадить розы. Ричард как-то сказал, что если она решит разводить розы во дворе их дома в Бруклайне, то они наверняка зачахнут. Надо понимать, что делаешь, заявил он. Да, всего лишь небрежное замечание, тем не менее болезненное.

«Надо понимать, что делаешь. А ты не понимаешь».

Продолжая рыхлить и отбрасывать землю, Джулия легла на живот. И вдруг совок натолкнулся на что-то твердое. О боже, неужели еще один камень? Отбросив волосы со лба, она посмотрела на предмет, попавший под совок. Металлическая часть инструмента повредила поверхность, и место удара теперь окружали трещины. Джулия смахнула глину и мелкие камешки, обнажив неестественно гладкий купол. Лежа на животе, она вдруг почувствовала, что биение ее сердца отдает куда-то в землю и почему-то стало трудно дышать. Но Джулия продолжала копать, теперь уже обеими руками; ее обтянутые перчатками пальцы соскребали упрямые комки глины. Несколько округлых частей, соединенных зигзагообразным швом. Пульс усилился, когда она, разгребая все дальше и дальше, обнаружила небольшую, забитую землей полость. Джулия сняла перчатку и голым пальцем проткнула

затвердевшую глину. Та внезапно треснула и обвалилась.

Рывком поднявшись на колени, Джулия уставилась на предмет, который только что выкопала. Комариный писк стал пронзительным, но она перестала отмахиваться от насекомых и ощущать их укусы. Легкий ветерок зашевелил траву, он нес приторно-сладкий аромат душистого бутня. Джулия подняла глаза на свой поросший сорняками участок, место, которое она надеялась превратить в райский уголок. Раньше она представляла себе буйно цветущий сад с розами, пионами и беседкой, увитой багровым ломоносом. Теперь же, разглядывая двор, Джулия видела вовсе не сад.

Она видела кладбище.

– Могла бы посоветоваться со мной, прежде чем покупать эту хибару, – укоряла Джулию ее сестра Вики, сидевшая за кухонным столом.

Сама Джулия стояла у окна и разглядывала бессчетные земляные холмики, этакие крохотные вулканчики, внезапно выросшие на ее заднем дворе. Последние три дня группа судмедэкспертов практически не вылезала оттуда. Джулия уже привыкла, что они бродят туда-сюда. То один, то другой заходит в дом, чтобы воспользоваться туалетом. Она наверняка будет скучать без них, когда раскопки закончатся и эксперты оставят ее одну в этом доме с выпиленными вручную балками и долгой историей. А еще – с призраками.

Только что прибывшая судмедэксперт доктор Айлз дви-

нулась через двор к месту раскопок. В этой женщине с неестественно бледной кожей и черными, как у готки, волосами, не враждебной и в то же время не дружелюбной, Джулия находила нечто зловещее. «Она такая собранная и спокойная», – думала Джулия, наблюдая за доктором Айлз в окно.

– На тебя это не похоже – взять и с ходу сделать выбор, – продолжала Вики. – Принять предложение в тот же день! Ты что, решила, на это кто-нибудь клюнет? – Вики указала на покосившуюся дверь подвала. – Она даже не закрывается. Ты фундамент-то проверяла? Этому дому, наверное, лет сто.

– Сто тридцать, – пробормотала Джулия, не отводя взгляда от заднего двора – там, на краю ямы, стояла доктор Айлз.

– Ах, милая моя, – вдруг смягчившись, заговорила Вики. – Я знаю, у тебя был трудный год. И понимаю, как ты переживаешь. Я просто хочу, чтобы ты звонила мне, прежде чем совершать такие серьезные поступки.

– Участок не так уж и плох, – возразила Джулия. – Здесь почти полгектара. И до города недалеко.

– И покойник на заднем дворе. Это сильно повысит дом в цене, когда ты будешь его перепродавать.

Джулия потерла шею, которую вдруг сковало напряжение. Вики была права. Вики всегда права. «Ради этого дома я опустошила свой банковский счет, – пронеслось в голове у Джулии. – И теперь стала счастливой обладательницей проклятого места». По-прежнему глядя в окно, она увидела, что

на место раскопок прибыл еще один человек. Пожилая женщина с коротко остриженными седыми волосами, в голубых джинсах и высоких тяжелых ботинках – нечасто встретишь бабульку в подобном наряде. Еще один чудной персонаж бродит сегодня у нее по двору. И кто эти люди, слетающиеся на смерть? С чего вдруг они выбрали профессию, заставляющую их ежедневно сталкиваться с тем, о чем другие даже помыслить боятся?

– Ты говорила с Ричардом, прежде чем купить дом?

Джулия замерла.

– Нет, я с ним не разговаривала.

– Он вообще проявлялся в последнее время? – поинтересовалась Вики.

Ее тон изменился – внезапно стал более спокойным и несколько нерешительным, и это заставило Джулию наконец обернуться и взглянуть на сестру.

– А почему ты спрашиваешь? – удивилась Джулия.

– Ты ведь была его женой. Разве ты не позваниваешь ему порой, например с просьбой переслать почту или что-нибудь в этом роде?

Джулия опустилась на стул, стоявший возле стола:

– Я не звоню ему. И он мне не звонит.

Вики ничего не ответила, просто некоторое время сидела молча, а Джулия упрямо смотрела на стол.

– Мне очень жаль, – наконец проговорила Вики. – Очень жаль, что ты до сих пор переживаешь.

Джулия усмехнулась:

– Ну да. Мне тоже жаль.

– Шесть месяцев прошло. Я думала, ты уже пришла в себя. Ты ведь умная, симпатичная и должна найти еще кого-нибудь.

Вики не могла не сказать этого. Неунывающая Вики, которая через пять дней после удаления аппендицита снова рванула в зал суда и повела команду своих юристов к победе. Она не позволит какому-нибудь пустяку вроде развода нарушить даже недельные планы.

Вики вздохнула:

– Честно говоря, я ехала сюда не только для того, чтобы посмотреть на новый дом. Ты моя младшая сестра и должна знать кое о чем. Имеешь право знать об этом. Просто я не совсем понимаю, как… – Она запнулась. И взглянула на кухонную дверь, в которую кто-то постучал.

Открыв дверь, Джулия увидела доктора Айлз – несмотря на жару, та сохраняла хладнокровие и невозмутимость.

– Я хотела сообщить вам, что наша группа сегодня уезжает, – сказала она.

Взглянув на место раскопок, Джулия заметила, что эксперты начали собирать свой инвентарь.

– Вы уже закончили?

– Мы обнаружили достаточно, чтобы подтвердить – это дело не подлежит судмедэкспертизе. Я передала его доктору Петри из Гарварда.

Айлз указала на только что прибывшую женщину – бабушку в голубых джинсах.

Вики подошла к ним и тоже остановилась на пороге:

– А кто такая доктор Петри?

– Судебный антрополог. Она закончит раскопки, но исключительно в исследовательских целях. Если вы, конечно, не против, госпожа Хэмилл.

– Значит, это старые кости?

– Совершенно очевидно, что захоронение давнее. Может, выйдите и сами посмотрите?

Следом за Айлз Вики и Джулия зашагали через пологий двор. За время трехдневных раскопок яма превратилась в широкую впадину. Останки были разложены на брезенте.

Перед ними на корточках сидела доктор Петри. Ей было никак не меньше шестидесяти, но, несмотря на это, она резво поднялась и подошла поближе, чтобы поздороваться.

– Владелица дома – вы? – осведомилась она у Джулии.

– Я совсем недавно купила этот участок. А на прошлой неделе переехала.

– Вам повезло, – отозвалась Петри; похоже, она действительно так считала.

– Просеивая почву, мы нашли несколько предметов, – сообщила доктор Айлз. – Несколько пуговиц и одну пряжку, явно очень старые. – Она запустила руку в коробку для вещдоков, стоявшую неподалеку от костей. – А сегодня мы обнаружили вот это. – Она вынула небольшой застегивающий-

ся мешочек.

Джулия взглянула на разноцветные камни, мерцавшие сквозь пластик.

– Это памятное кольцо, – пояснила доктор Петри. – В ранневикторианский период украшения-акростихи пользовались огромной популярностью. Из названия камней должно складываться слово. Например, бирюза, опал и сапфир – первые три буквы в слове «Бостон». Такие кольца дарили в знак сердечной привязанности.

– Это настоящие драгоценные камни?

– О нет, конечно. Вероятно, всего-навсего крашеное стекло. На кольце нет никакой гравировки, значит это продукт массового производства.

– А можно найти сведения об этом захоронении?

– Сомневаюсь. Похоже, это незаконное погребение. Ни надгробия, ни остатков гроба. Тело просто завернули в кусок шкуры и закопали. Незатейливые похороны, особенно для близкого человека.

– А может быть, она была бедна.

– Но зачем понадобилось хоронить именно здесь? Тут никогда не было кладбища, по крайней мере, если верить историческим картам. Вашему дому ведь около ста тридцати лет, верно?

– Он был построен в восемьсот восьмидесятом году.

– К восемьсот сороковому памятные кольца вышли из моды.

– А что находилось здесь до восемьсот сорокового?

– Думаю, это одна из частей загородного поместья, принадлежавшего какому-нибудь знатному бостонскому семейству. В основном здесь находились открытые пастбища. Сельскохозяйственные угодья.

Взгляд Джулии скользнул чуть выше, туда, где над душистым бутнем и цветущим горошком порхали бабочки. Она постаралась представить, как ее двор мог выглядеть раньше. На открытом поле, которое спускается к бегущему между деревьями ручейку, бродит жующая травку овечка. Место, где ходят одни животные. Место для могилы, которую быстро забудут.

Вики посмотрела на землю; на ее лице застыло отвращение.

– Это… один труп?

– Один полный скелет, – ответила доктор Петри. – Ее похоронили достаточно глубоко, и она не пострадала от хищников. На этом склоне почва достаточно сухая. К тому же, судя по фрагментам, ее завернули в шкуру какого-то животного, а ощелачивающие танины – своего рода консервирующее средство.

– Ее?

– Да. – Петри посмотрела куда-то вверх; проницательные голубые глаза сощурились от солнечного света. – Это женщина. Судя по зубам и состоянию позвонков, она достаточно молода – уж никак не старше тридцати пяти лет. В общем и

целом она удивительно хорошо сохранилась. – Петри перевела взгляд на Джулию. – Если не считать трещины от удара вашего совка.

Джулия покраснела:

– Я думала, что это камень, а не череп.

– Однако отличить старое повреждение от нового совсем нетрудно. Смотрите. – Снова опустившись на корточки, Петри взяла в руки череп. – Вот это ваша трещина, на ней не видно никаких пятен. А теперь взгляните на эту прореху в теменной кости. Вот здесь, на скуловой кости, под щекой, есть еще одна. Эти поверхности стали коричневыми из-за того, что долго находились в земле. А значит, речь идет о преморбидных повреждениях, а не о тех изъянах, что появились во время раскопок.

– Преморбидных? – Джулия взглянула на антрополога. – Вы хотите сказать…

– Эти удары почти наверняка стали причиной ее смерти. Я бы сказала, что это убийство.

Ночью Джулия лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к поскрипыванию старых полов и мышиной возне за стенами. Этот дом, конечно, старый, но могила еще старше. Кто-то прибивал балки и настилал сосновые полы, а неподалеку, всего в нескольких десятках шагов, под землей уже разлагалось женское тело. Интересно, когда шла стройка, кто-нибудь знал, что она там? Была могила помечена каким-ни-

будь камнем?

«А может, никто не знал, что она там? И никто о ней не помнил?»

Обливаясь потом, Джулия отшвырнула белье и легла на голый матрас. В спальне стояла жара и духота – ни ветерка, несмотря на то что оба окна были открыты. В темноте над Джулией то загорался, то потухал огонек светлячка; уныло мигая, он кружил по комнате в надежде найти выход.

Джулия села и включила лампу. Вместо волшебных искорок над головой она увидела обычного коричневого жучка, который носился под самым потолком. Она задумалась, как бы его поймать, чтобы не убить. Стоит ли усилий судьба отдельно взятого жучка?

Зазвонил телефон. В полдвенадцатого может звонить только один человек.

– Надеюсь, я тебя не разбудила, – сказала Вики. – Я только что вернулась домой после одного из бесконечных ужинов.

– В такой жаре я все равно не могу уснуть.

– Джулия, я хотела сказать тебе кое о чем, когда была у тебя. Но не смогла, кругом было столько людей.

– Только не надо давать мне советы насчет дома, ладно?

– Это касается не дома. Это касается Ричарда. Неловко как-то, что именно я говорю тебе об этом, но на твоем месте я предпочла бы это знать. Хуже будет, если это дойдет до тебя по другим каналам.

– Что дойдет?

– Ричард собирается жениться.

Джулия вцепилась в трубку, сжав ее так сильно, что онемели пальцы. В затянувшемся молчании она слышала, как сердце бьется где-то в ушах.

– Значит, ты не знала.

– Нет, – прошептала Джулия.

– Какой же он все-таки говнюк, – пробормотала Вики; горечи в ее голосе с лихвой хватило бы на обеих. – Насколько я знаю, это было решено уже месяц назад. Ее зовут Тифания, с «я» на конце. Я хочу сказать, надо же быть такой манерной! Я не в состоянии уважать мужчину, который женится на Тифании.

– Не понимаю, как это могло случиться так быстро.

– Ой, милая моя, это же ясно как день! Он крутил с ней, когда вы были еще женаты. Он ведь стал приходить домой позже, верно? И начались бесконечные командировки. Это меня настораживало. Мне просто не хватало духу заговорить об этом.

Джулия сглотнула.

– Мне сейчас не хочется это обсуждать.

– Я должна была догадаться! Мужчина никогда не попросит развода ни с того ни с сего.

– Спокойной ночи, Вики.

– Эй! Эй, ты как, в порядке?

– Мне просто не хочется говорить.

Джулия положила трубку.

Некоторое время она не двигалась – просто сидела. Над головой по-прежнему кружил светлячок, отчаянно стремясь вырваться из заточения. Когда-нибудь он устанет. И в конце концов погибнет в этой комнате-ловушке без еды и воды.

Джулия взобралась на матрас. Когда светлячок, в очередной раз метнувшись, подлетел ближе, она поймала его. Сложив руки чашечкой, Джулия босиком прошлепала на кухню и открыла дверь черного хода. Оказавшись на пороге, она выпустила жучка. Светлячок упорхнул в темноту; он больше не мигал – единственной его целью было спасение.

Интересно, он понимает, что Джулия спасла ему жизнь? Такие пустяки – это все, на что она способна.

Джулия немного постояла на крыльце, жадно вдыхая ночной воздух; при мысли о том, что надо возвращаться в душную тесную спальню, ей становилось нехорошо.

Ричард женится.

Застрявший в горле вдох превратился во всхлип. Джулия ухватилась за перила и почувствовала, как в пальцы впиваются занозы.

«И я узнала об этом последней».

Вглядываясь в темноту, она подумала о костях, которые были захоронены всего в нескольких десятках метров. Забытая женщина, чье имя затерялось в веках. Она представила, как давит зимой холодная земля, над которой кружится снег, как сменяются времена года, проходят десятилетия, как гниет плоть и пируют черви. «Мы с тобой похожи, – подумала

Джулия, – две забытые женщины… А я даже не знаю, кто ты».

2

Ноябрь 1830 года

Смерть сопровождалась мелодичным перезвоном колокольчиков.

Этот звук наводил ужас на Розу Коннолли – она уже много раз слышала его, пока сидела у больничной койки Арнии, промакивая сестре лоб, держа ее за руку, предлагая хлебнуть воды. Каждый день колокольчики, приводимые в действие служкой, возвещали о прибытии священника, который причащал и совершал обряд соборования. Розе было всего семнадцать, однако за последние пять дней она повидала столько горя, что его с легкостью хватило бы на несколько жизней. В воскресенье, спустя три дня после рождения малыша, умерла Нора. В понедельник – девушка с каштановыми волосами, та, что лежала в дальнем конце палаты; она скончалась почти сразу же после родов, и узнать ее имя так и не удалось, особенно в присутствии рыдающих членов семьи, новорожденного ребенка, который орал как резаный, и гробовщика, усердно стучавшего молотком во внутреннем дворе. Во вторник милосердная смерть настигла Ребекку – после рождения сына она четыре дня металась в агонии, прав-

да Розе пришлось терпеть вонь гнилостных выделений, сочившихся из промежности девушки и пачкавших простыни. Палата пропахла потом, лихорадкой и гноем. Среди ночи, внезапно очнувшись от тяжелой дремоты, Роза слышала, как стоны умирающих эхом отдаются в коридорах, и понимала: реальность куда страшнее ее кошмарных снов. Девушка выходила на больничный двор и вдыхала холодный туман – только так можно было спастись от смрада, царившего в палате.

Но потом ей все равно приходилось возвращаться к ужасам. К своей сестре.

– Снова колокольчики, – шепнула Арния; по ее опущенным ресницам пробежала дрожь. – Кто же сегодня эта бедняжка?

Роза бросила взгляд вглубь родильной палаты, на ту постель, что поспешно отгородили занавесями. Она видела, как несколько минут назад сестра Мэри Робинсон подготовила небольшой столик, разместив на нем свечи и распятие. Священника видно не было, однако из-за шторки доносились его бормотание и запах расплавленного воска.

– По великой милости своей да простит Господь все твои прегрешения…

– Кто? – снова спросила Арния. Забеспокоившись, она попыталась сесть на постели и увидеть то, что происходит там, за рядами коек.

– Боюсь, это Бернадетта, – проговорила Роза.

– О! Нет, только не это.

Роза сжала руку сестры:

– Возможно, она еще жива. Не надо терять надежду.

– А ребенок? Что с ее ребенком?

– Мальчик здоров. Разве ты не слышала, как он плакал в своей колыбельке сегодня утром?

Вздохнув, Арния откинулась на подушку; в ее дыхании чувствовалось зловоние смерти, словно тело уже начало гнить изнутри, а внутренние органы – разлагаться.

– Значит, хотя бы это небольшое утешение.

Утешение? Что мальчик будет расти сиротой? Что его мать провела последние три дня жизни с опухшим животом, изнывая от родильной горячки? Слишком уж много подобных «утешений» повидала Роза за последние семь дней. Если так Он проявляет свое милосердие, Роза отрекается от Него. Но в присутствии сестры она не стала богохульствовать. Именно вера поддерживала Арнию последние несколько месяцев, помогая терпеть нападки мужа и сносить те ночи, когда из-за одеяла, висевшего между их кроватями, до Розы доносился плач сестры. И чем только вера помогала Арнии? Куда смотрел Бог все те дни, пока ее сестра напрасно пыталась произвести на свет своего первенца?

«Господи, если Ты слышишь молитвы добропорядочной женщины, почему Ты позволяешь ей страдать?»

Ответа Роза не ждала, его и не последовало. И только из-за шторки, скрывавшей койку Бернадетты, слышалось бес-

полезное бормотание священника:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да усмирится в тебе сила дьявола возложением рук моих и заступничеством благодатной и пресвятой Девы Марии, Матери Бога нашего.

– Роза! – шепотом позвала Арния.

– Да, дорогая?

– Я очень боюсь, что и мое время пришло.

– Какое время?

– Время священника. Исповеди.

– И какие же мелкие проступки не дают тебе покоя? Бог знает твою душу, дорогая. Думаешь, Он не видит, сколько в ней добродетели?

– Ах, Роза, ты не знаешь всего того, в чем я виновата! Всего того, о чем я постыдилась рассказать тебе! Я не могу умереть без…

– Не говори мне о смерти. Тебе нельзя сдаваться. Бороться – вот что ты должна делать.

В ответ Арния слабо улыбнулась и, протянув руку, коснулась волос сестры:

– Моя маленькая Рози. Никогда ничего не боится.

Однако Роза боялась. Ужасно боялась, что сестра покинет ее. Невероятно страшилась того, что, получив последнее благословение, Арния перестанет бороться и махнет на себя рукой.

Закрыв глаза, Арния вздохнула:

– Ты останешься со мной нынче вечером?

– Конечно останусь.

– А Эбен? Он не приходил?

Роза сжала руку Арнии в своей ладони:

– А ты и вправду хочешь, чтобы он явился сюда?

– Мы связаны друг с другом, он и я. И в радости, и в беде.

«Это-то и беда», – хотелось сказать Розе, но она прикусила язык. Конечно, Арния и Эбен связаны брачными узами, но лучше бы он держался подальше, потому что Роза с трудом выносила этого человека. Последние четыре месяца она прожила вместе с Арнией и Эбеном в пансионе на Бродстрит; ее кровать едва умещалась в небольшом алькове, примыкавшем к их спальне. Она старалась не попадаться на глаза Эбену, но, поскольку беременная Арния становилась все тяжелее и все больше уставала, Розе пришлось постепенно взять на себя всю работу, которую сестра делала в портняжной мастерской Эбена. Там, в подсобной комнате, заваленной рулонами муслина и сукна, она чувствовала на себе коварные взгляды зятя, замечала, как часто он находит предлог дотронуться до ее плеча или остановиться слишком близко, проверяя стежки, когда Роза корпела над брюками или жилетами. Она никогда не рассказывала об этом Арнии, потому что знала: Эбен станет все отрицать. И в конце концов страдать будет именно Арния.

Роза отжала тряпку над тазом и, прикладывая ее ко лбу больной, задумалась: «Куда же подевалась моя красивая сестричка?» Арния даже года не пробыла замужем, но гла-

за уже перестали сиять, а огненно-рыжие волосы утратили свой блеск. Осталась только безвольная оболочка с тусклыми от пота волосами и лицом, напоминавшим безучастную бледную маску.

Арния с трудом вынула руку из-под простыни.

– Я хочу отдать тебе это, – прошептала она. – Возьми, пока Эбен не опередил тебя.

– Что взять, дорогая?

– Это. – Арния коснулась медальона в форме сердца, висевшего у нее на шее. Он блестел как настоящее золото, и Арния, не снимая, носила его и днем и ночью.

Подарок Эбена, предположила Роза. Возможно, когда-то он был настолько привязан к жене, что преподнес ей эту чудесную вещицу. Почему же он не приходит, когда она особенно нуждается в нем?

– Пожалуйста, помоги мне снять его.

– Еще не время раздавать свои вещи, – возразила Роза.

Но Арния уже сама сняла подвеску и положила ее в руку сестры.

– Этот медальон твой. За то, что утешала и поддерживала меня.

– Я сохраню его для тебя, вот и все. – Роза сунула подвеску в карман. – Когда это закончится, дорогая, когда ты возьмешь на руки своего чудесного малыша, я снова надену его тебе на шею.

Арния улыбнулась:

– Только бы так и вышло.

– Так и выйдет.

Удаляющийся перезвон колокольчиков свидетельствовал о том, что священник завершил обряд над умирающей Бернадеттой, и сестра Робинсон тут же примчалась к ее койке, чтобы убрать завесу и подготовиться к приему очередной группы только что прибывших посетителей.

Когда в родильную палату вошел доктор Честер Крауч, все застыли в молчаливом ожидании. На этот раз его сопровождала старшая сестра больницы мисс Агнес Пул, а также небольшая свита, состоявшая из четырех студентов-медиков. Доктор Крауч начал обход с первой койки – ее занимала поступившая тем же утром женщина, которая два дня безрезультатно силилась родить дома. Студенты выстроились в полукруг, наблюдая, как доктор Крауч, запустив руку под простыню, осторожно осматривал пациентку. Она вскрикнула от боли, когда тот принялся ощупывать ее промежность. Рука доктора с обагренными кровью пальцами снова вынырнула из-под простыни.

– Полотенце, – попросил он и тут же получил его из рук сестры Пул. Вытирая пальцы, он обратился к четырем студентам: – У этой пациентки роды остановились. Голова ребенка находится в том же положении, а шейка матки еще окончательно не раскрылась. Что должен делать врач в данном случае? Господин Кингстон! У вас есть ответ на этот вопрос?

– Полагаю, необходимо порекомендовать чай сушонг со спорыньей, – без всяких колебаний ответил господин Кингстон, красивый и щеголеватый юноша.

– Хорошо. А что еще можно сделать? – Теперь в центре внимания доктора оказался самый невысокий из четырех студентов, парнишка с большими ушами, напоминавший эльфа. – Господин Холмс!

– Можно попробовать слабительное для стимуляции схваток, – тут же выпалил господин Холмс.

– Хорошо. А что скажете вы, господин Лакауэй? – обратился доктор Крауч к светловолосому студенту, лицо которого немедленно вспыхнуло румянцем. – Что еще нужно сделать?

– Я… это…

– Это ваша пациентка. Как вы будете действовать?

– Мне пришлось бы обдумать это.

– Обдумать это?! Но ваши дед и отец были врачами! А ваш дядя – декан медицинского колледжа. Вам доводилось сталкиваться с искусством медицины куда чаще, чем вашим коллегам. Полноте, господин Лакауэй! Неужели вам нечего добавить?

Молодой человек беспомощно покачал головой:

– Простите, сэр.

Вздохнув, доктор Крауч обратился к четвертому студенту, высокому темноволосому юноше:

– Ваша очередь, господин Маршалл. Что еще можно сде-

лать в такой ситуации? В случае с пациенткой, у которой нет родовой деятельности?

– Я бы заставил ее сесть или встать, сэр. И если возможно, походить по палате.

– Что еще?

– На мой взгляд, это единственное средство, которое можно добавить к уже названным.

– А как же лечебное кровопускание?

Пауза. Затем студент ответил осторожно:

– Я не уверен в действенности этого способа.

Доктор Крауч удивленно хмыкнул:

– Вы… вы не уверены?

– На ферме, где я вырос, я практиковал кровопускание и ставил банки. Я терял одинаковое количество телят – при кровопускании и без него.

– На ферме?! Вы пускали кровь коровам?

– И свиньям.

Сестра Агнес Пул хихикнула.

– Господин Маршалл, здесь мы имеем дело с людьми, а не с животными, – одернул его доктор Крауч. – Как показывает мой собственный опыт, терапевтическое кровопускание весьма действенно для облегчения боли. Оно расслабляет пациенток, и шейка матки должным образом раскрывается. Если спорынья и слабительное не подействуют, я почти наверняка пущу этой пациентке кровь. – Он передал грязное полотенце сестре Пул и двинулся дальше, к постели Берна-

детты. – А что с этой? – осведомился он.

– Хоть горячка и ослабла, – сообщила сестра Пул, – выделения стали гнойными. Ночью она очень мучилась.

Доктор Крауч снова запустил руку под простынку, ощупывая низ живота. Бернадетта слабо застонала.

– Да, кожа почти холодная, – согласился он. – Но в этом случае… – Он запнулся и поднял глаза. – Ей ведь давали морфин?

– Несколько раз, сэр. Как вы предписывали.

Когда доктор вынул руку из-под простыни, на его пальцах поблескивала желтоватая слизь, и сестра подала ему то же самое грязное полотенце.

– Продолжайте давать морфин, – тихо распорядился он. – Пусть ей будет спокойно.

Это прозвучало почти как смертный приговор.

От постели к постели, от пациентки к пациентке доктор Крауч продолжал свой обход. Когда он добрался до кровати Арнии, полотенце, которым он обтирал руки, было насквозь пропитано кровью.

Роза поднялась, чтобы поприветствовать его:

– Доктор Крауч.

Взглянув на нее, он поморщился:

– Вы мисс…

– Коннолли, – подсказала Роза, удивляясь тому, что этот человек никак не может запомнить ее имя.

А ведь именно она вызвала его в меблированные комна-

ты, где Арния целый день и ночь безуспешно мучилась родами. Во время визитов доктора Крауча Роза всегда сидела у постели сестры, но все равно каждая новая встреча, казалось, заводила его в тупик. Впрочем, он никогда как следует и не смотрел на Розу – она была всего-навсего второстепенным существом женского пола, недостойным пристального взгляда.

Доктор переключил внимание на сестру Пул:

– А как дела у этой пациентки?

– Полагаю, слабительные, которые вы прописали накануне вечером, за день улучшили качество схваток. Но она не выполнила ваше предписание подняться с кровати и походить по палате.

Глядя на сестру Пул, Роза с трудом сдерживала возмущение. Походить по палате? Они что, потеряли рассудок? Последние пять дней Роза наблюдала, как Арнию постепенно покидают силы. Наверняка сестра Пул заметила, что пациентка и сесть-то могла с трудом, не то что ходить. Но та даже и не взглянула на Арнию – ее восхищенный взор был направлен на доктора Крауча. Когда врач засунул руку под простыню и ощупал родовые пути, Арния издала до того мучительный стон, что Роза с трудом сдержалась – так ей захотелось оттащить доктора от сестры.

Выпрямившись, доктор Крауч посмотрел на сестру Пул:

– Амниотический мешок разорвался, но шейка матки еще полностью не раскрылась. – Он вытер руки о грязное поло-

тенце. – Сколько дней прошло?

– Сегодня пятый, – ответила сестра Пул.

– Тогда, вероятно, требуется еще одна доза спорыньи. – Обхватив запястье Арнии, он прощупал пульс. – Сердце у нее бьется учащенно. К тому же сегодня ее немного лихорадит. Кровопускание успокоит организм.

Сестра Пул кивнула:

– Я подготовлю…

– Вы уже достаточно пускали кровь, – вмешалась Роза.

Все затихли. Доктор Крауч поднял на нее откровенно удивленный взгляд:

– Еще раз – кем вы ей приходитесь?

– Сестрой. Доктор Крауч, я была здесь, когда вы пускали кровь в первый раз. И во второй, и в третий.

– И вы видели, какую пользу это принесло, – вставила сестра Пул.

– Могу сказать, что никакой.

– Вы не обучены медицине, дорогая моя! И не знаете, на что надо обращать внимание.

– Вы хотите, чтобы я лечил ее, или нет? – раздраженно спросил доктор Крауч.

– Да, сэр, но только не стоит выпускать всю кровь до последней капли!

– Либо придержите язык, мисс Коннолли, либо выйдите из палаты, – холодно проговорила сестра Пул. – Позвольте доктору сделать то, что необходимо.

– Сегодня у меня все равно нет времени пускать ей кровь. – Доктор Крауч многозначительно взглянул на карманные часы. – Через час у меня прием, а потом нужно будет подготовиться к лекции. Завтра утром я первым делом осмотрю эту пациентку. Возможно, к тому времени мисс… э-э…

– Коннолли, – подсказала Роза.

– …мисс Коннолли убедится, что дополнительные меры в самом деле необходимы. – Он резко закрыл крышку часов. – Господа, встретимся в девять, на утренней лекции. Доброй ночи.

Он кивнул и повернулся к выходу. Когда доктор двинулся прочь, четверо студентов-медиков, словно послушные утята, потянулись следом.

Роза бросилась за ними:

– Сэр! Господин Маршалл, верно?

Высокий студент обернулся. Это был тот самый темноволосый юноша, который поставил под сомнение целесообразность кровопускания для рожениц, тот, что, по его собственным словам, вырос на ферме. Одного взгляда на его плохо сидящий костюм хватило, чтобы понять: материальное положение этого юноши действительно гораздо скромнее, чем у его однокашников. Роза достаточно времени проработала швеей и без труда распознала бы добротный материал, однако костюм студента не отличался хорошим качеством – шерстяная ткань, из которой его сшили, была тусклой и бесфор-

менной, ей не хватало лоска, свойственного превосходному сукну. Его коллеги уже выходили из палаты, а господин Маршалл все еще стоял, выжидающе глядя на Розу. Его глаза были усталыми, и она подумала, что для молодого человека у него слишком утомленное лицо. В отличие от всех прочих, он смотрел на нее прямо, словно разговаривал с равной.

– Я случайно услышала то, что вы сказали доктору, – начала Роза. – О кровопускании.

Юноша покачал головой:

– Боюсь, я позволил себе вольность.

– Но ведь это правда? То, что вы сказали?

– Я просто описал свои наблюдения.

– Я не права, сэр? Я должна была позволить пустить кровь?

Он заколебался. Бросил тревожный взгляд на сестру Пул, наблюдавшую за ними с явным осуждением.

– У меня не хватает знаний, чтобы дать совет. Я всего лишь студент, учусь первый год. Доктор Крауч мой наставник и превосходный врач.

– Я трижды видела, как он пускал ей кровь, и всякий раз сестры утверждали, что ее состояние улучшилось. Но с каждым днем… – Роза запнулась. Ее голос срывался от подступающих слез. – Я просто хочу, чтобы Арнии стало лучше.

– Вы советуетесь со студентом? – вмешалась сестра Пул. – Думаете, он знает больше, чем доктор Крауч? – Она фыркнула. – С тем же успехом можете спросить у помощника ко-

нюха, – добавила сестра, выходя из палаты.

Некоторое время господин Маршалл молчал. И нарушил молчание только после того, как сестра Пул скрылась из виду; он говорил очень спокойно, но его слова подтвердили самые худшие опасения Розы.

– Я бы не стал пускать ей кровь, – тихо сказал он. – Это к добру не приведет.

– А что бы вы сделали? Если бы она была вашей сестрой?

Юноша с жалостью взглянул на спящую Арнию.

– Я бы помог ей сесть на кровати. Применил бы холодный компресс от жара и морфин от боли. И прежде всего проследил бы, чтобы она получала достаточно питания и жидкости. И поддержки, мисс Коннолли. Если бы моя сестра так страдала, я обеспечил бы ей именно это. – Студент взглянул на Розу. – Поддержку, – печально пояснил он, уходя.

Утерев слезы, Роза пошла обратно к постели Арнии мимо рожениц – женщин, изнывающих от боли. Одну рвало в таз, у другой опухла от рожистого воспаления нога… За окном лил холодный ноябрьский дождь, а в натопленном помещении с закрытыми окнами воздух казался спертым, душным и болезненно смрадным.

«Может, я напрасно привела ее сюда?» – подумала Роза. Наверное, нужно было оставить ее дома, где ночами не пришлось бы слушать ужасные стоны и жалобное всхлипывание. Но комната в пансионе была тесной и холодной, и доктор Крауч порекомендовал переместить Арнию в больницу, где

ему проще наблюдать за ней. «В случае с вашей сестрой лечение будет благотворительным, – заверил он, – и с вашей семьи возьмут лишь столько, сколько вы в состоянии заплатить». Горячая еда, медицинские сестры и врачи – все это, как утверждал доктор Крауч, будет предоставлено.

«Но этого он не обещал», – подумала Роза, глядя на ряд кроватей со страдающими женщинами. Ее взор остановился на притихшей Бернадетте. Роза медленно приблизилась к ее койке, не сводя глаз с молодой женщины, которая всего пять дней назад, смеясь, держала на руках новорожденного сына.

Бернадетта перестала дышать.

3

– Сколько же может продолжаться этот проклятый дождь! – проворчал Эдвард Кингстон, увидев, что на улице льет как из ведра.

Венделл Холмс выпустил кольцо сигарного дыма; оно проплыло под крышей больничной террасы, а оказавшись под дождем, распалось на несколько завитков.

– Бог мой! Какое нетерпение! Можно подумать, ты торопишься на неотложное свидание.

– Тороплюсь. На свидание с бокальчиком отличного красного вина.

– Мы едем в «Ураган»? – спросил Чарльз Лакауэй.

– Если когда-нибудь прибудет мой экипаж. – Эдвард бросил взгляд на дорогу, по которой, разбрасывая в разные стороны комки грязи, проезжали экипажи и цокали лошадиные копыта.

Норрис Маршалл тоже стоял на больничной террасе, несмотря на то что пропасть, пролегавшая между ним и его однокашниками, стала бы заметна любому, кто удосужился бы бросить взгляд на четверых юношей. Норрис был новичком в Бостоне; фермерский мальчонка из Белмонта, он самостоятельно, по книгам изучал физику и расплачивался за уроки латыни яйцами и молоком. Он никогда в жизни не был в таверне «Ураган», даже понятия не имел, где она находит-

ся. Его коллеги, все выпускники Гарвардского колледжа, судачили о людях, которых Норрис никогда не знал, и отпускали шутки, которых он не понимал; они никогда не пытались исключить его из своей компании, однако в этом не было никакой необходимости. И так было ясно, что Норрис не входит в круг их общения.

Вздохнув, Эдвард выпустил изо рта облако сигарного дыма.

– Невероятно, что эта девица сказала доктору Краучу! Вот дерзость! Если бы в нашем доме хоть какая-нибудь служанка так заговорила, матушка тут же вышвырнула бы ее на улицу.

– Твоя матушка и в самом деле меня пугает, – с ужасом в голосе проговорил Чарльз.

– Матушка говорит: нужно, чтобы ирландцы знали свое место. Это единственный способ поддерживать порядок, особенно сейчас, когда в город переезжают все эти новые люди и из-за них возникают неприятности.

«Новые люди». Норрис относился к их числу.

– Хуже этих служанок нет. Стоит повернуться к ним спиной, и они уже тащат рубашки из твоего гардероба. Ты замечаешь пропажу, а они заявляют: вещь-де потерялась во время стирки или была порвана собакой. – Эдвард фыркнул. – Этой девице надо знать свое место.

– Ее сестра вполне может умереть, – вмешался Норрис.

Все трое обернулись – гарвардские юноши явно удивились тому, что их немногословный коллега вдруг заговорил.

– Умереть? Это довольно серьезное заявление, – заметил Эдвард.

– Она рожает пять дней и уже напоминает труп. Доктор Крауч может пускать ей кровь сколько угодно, но, похоже, шансов у нее немного. Ее сестра знает это. В ней говорит горе.

– И тем не менее ей стоит помнить, от кого исходит милость.

– И благодарить за каждую кроху?

– Доктор Крауч вовсе не обязан лечить эту женщину. Но сестра ведет себя так, будто у нее есть на это право. – Эдвард затушил сигару о свежевыкрашенные перила. – Немного благодарности им не повредит.

Норрис почувствовал, как его лицо заливает румянец. Он был близок к тому, чтобы разразиться резкой тирадой в защиту девушки, но Венделл ловко перевел разговор на другую тему.

– Мне кажется, из этого получатся стихи, верно? «Горячая ирландка».

Эдвард вздохнул:

– Пожалуйста, не надо. Неужели снова ваши ужасные вирши!

– А как насчет такого названия, – подхватил Чарльз, – «Ода преданной сестре»?

– Оно мне нравится! – воскликнул Венделл. – Дай-ка я попробую. – Он немного помолчал. – Иль воин непреклон-

ный перед нами, иль дева – неподкупна и нежна…

– Ее сестра в опасности смертельной, – добавил Чарльз.

– И… и… – Венделл задумался над новой строкой.

– …в бой бесстрашно ринулась она! – закончил Чарльз.

Венделл рассмеялся:

– И снова поэзия торжествует!

– Тогда как остальные страдают, – пробормотал Эдвард.

Норрис слушал их разговор, испытывая острое чувство неловкости, чувствуя себя чужаком. Как же запросто его коллеги шутят и смеются друг с другом! Как мало надо – всего лишь несколько строк поэтической импровизации напомнили Норрису о том, что у этих троих есть прошлое, к которому он не имеет никакого отношения.

Внезапно выпрямившись, Венделл всмотрелся в пелену дождя:

– Ведь это твой экипаж, верно, Эдвард?

– Да уж пора бы ему появиться. – Эдвард поднял воротник, дабы защититься от ветра. – Садимся, джентльмены?

Коллеги Норриса двинулись вниз по ступеням террасы. Прошлепав по лужам, Эдвард и Чарльз забрались в экипаж. Однако Венделл остановился и, бросив поверх плеча взгляд на Норриса, снова поднялся по ступеням.

– А вы разве не едете с нами? – осведомился он.

Приглашение настолько поразило Норриса, что он ответил не сразу. Пусть он был на голову выше Венделла Холмса, в этом маленьком человечке чувствовалось нечто, все-

лявшее благоговейный ужас. Дело было не только в его щеголеватом костюме и невероятно остром языке, а в том, что его окружал ореол абсолютной уверенности в себе. То обстоятельство, что этот человек приглашал Норриса присоединиться к компании, застало юношу врасплох.

– Венделл! – крикнул Эдвард из экипажа. – Поедем!

– Мы направляемся в «Ураган», – сообщил Холмс. – Так выходит, что мы оказываемся там каждый вечер. – Он помолчал. – Или у вас другие планы?

– Очень любезно с вашей стороны. – Норрис бросил взгляд на двух юношей, сидевших в экипаже. – Но, мне думается, господин Кингстон не ожидает никого четвертого.

– Господину Кингстону, – хмыкнул Венделл, – стоит привыкать к неожиданностям этой жизни. В любом случае вас приглашает не он. А я. Выпьете с нами по бокальчику ромового флипа?

Норрис взглянул на стену воды, в которую превратился дождь, и ему ужасно захотелось оказаться у теплого очага, почти наверняка горевшего в «Урагане». А еще больше ему хотелось воспользоваться удобным случаем и оказаться среди коллег, войти в их круг, пусть даже всего на вечер. Он чувствовал, как Венделл наблюдает за ним. Взгляд этих глаз, обычно искрившихся смехом и обещанием очередной остроты, стал пронзительно-тревожным.

– Венделл! – На этот раз из экипажа кричал Чарльз, его голос сорвался на раздраженное хныканье: – Мы вот-вот за-

мерзнем!

– Простите, – проронил Норрис. – Боюсь, нынче вечером у меня другие дела.

– О! – Венделл приподнял и лукаво изогнул бровь. – Полагаю, она прелестная особа.

– Боюсь, речь идет не о даме. Это просто обещание, которое я не могу нарушить.

– Понимаю, – кивнул Венделл, но, видимо, ничего не понял, потому что улыбка его остыла, а сам он собрался уходить.

– Это не потому, что я не хочу…

– Что же, ладно. Возможно, в другой раз.

«Другого раза не будет», – думал Норрис, наблюдая за тем, как Венделл выскочил на улицу и забрался в экипаж к своим товарищам. Кучер щелкнул хлыстом, и экипаж понесся прочь, разбрызгивая лужи. Норрис представил себе разговор, который состоится между тремя сидевшими в экипаже друзьями. Они наверняка поразятся, что простой фермерский мальчишка из Белмонта позволил себе отклонить приглашение. Будут строить догадки: что же, если не встреча с прелестницей, могло оказаться важнее. Норрис стоял на крыльце, вцепившись в перила. Как горько, что ничего нельзя изменить, что многое никогда не сбудется.

Экипаж Эдварда Кингстона скрылся за углом, увлекая молодых людей к очагу, сплетням и веселой дружеской пирушке. «Пока они будут сидеть в теплом „Урагане“, – размыш-

лял Норрис, – я займусь совсем иным делом. Которым, если бы мог, никогда бы не стал заниматься».

Он решительно шагнул навстречу ливню и пошел по лужам в сторону своего жилища, чтобы переодеться в старые вещи и снова выйти под дождь.

Здание, оказавшееся конечной целью его путешествия, было таверной на Брод-стрит, неподалеку от доков. Здесь не встретишь щеголеватых выпускников Гарвардского колледжа, попивающих ромовый флип. Но случись подобному джентльмену забрести в «Черную балку», он, оглядев помещение, тут же понял бы: не стоит спускать глаз со своих карманов. В тот вечер – как, впрочем, и в любой другой – карманы Норриса были почти пусты, а его захудалый плащ и заляпанные грязью брюки вряд ли заинтересовали бы вора. Он уже был знаком с большинством завсегдатаев, и они прекрасно знали о его скромном достатке. Когда Норрис переступил порог, кое-кто скользнул по нему взглядом – мол, кто это пожаловал, – а затем снова равнодушно уставился в свой стакан.

Норрис направился к барной стойке, за которой круглолицая Фанни Берк разливала эль. Она подняла на него маленькие злые глаза:

– Ты опоздал, и настроение у него скверное.

– Фанни! – орали посетители. – Мы получим эль на этой неделе или как?

Женщина перенесла стаканы на их стол и с грохотом поставила перед мужчинами. Пряча деньги в карман, она снова прошествовала к бару.

– Он там, за домом, с повозкой, – сказала она Норрису. – Ждет тебя.

Юноше не удалось поужинать, и он голодными глазами взглянул на буханку хлеба, которую Фанни припрятала за стойкой, однако не решился попросить кусочек. У Фанни Берк бесплатно ничего не допросишься, даже улыбки. В желудке заурчало, однако Норрис толкнул дверь и двинулся по темному коридору, заваленному ящиками и хламом, а затем снова вышел на улицу.

На заднем дворе пахло мокрым сеном и конским навозом; бесконечный дождь превратил землю в грязное месиво. Из-под навеса конюшни послышалось ржание, и Норрис заметил, что лошадь запряжена в телегу.

– В следующий раз не стану дожидаться тебя, мальчишка! – Из темной конюшни показался муж Фанни, Джек. Притащив две лопаты, он закинул их в повозку. – Хочешь, чтобы тебе платили, приходи к назначенному часу. – Крякнув, он забрался в телегу и взял в руки поводья. – Ты едешь?

В тусклом свете фонаря, висевшего на конюшне, Норрис видел, что Джек смотрит на него, и в очередной раз оказался в замешательстве, не зная, на каком глазе сосредоточиться. Левый и правый глядели в разные стороны. Косой Джек – вот как молва окрестила этого человека. Но назвать его так

в лицо никто не осмелился бы.

Забравшись в телегу, Норрис сел рядом с Джеком; тот не стал дожидаться, пока юноша как следует устроится на скамье, а сразу же нетерпеливым щелчком кнута погнал лошадь вперед. Они покатили через грязный двор в задние ворота.

Дождь молотил по шляпам, ручейками стекал по плащам, но Косой Джек, казалось, не замечал этого. Он сидел рядом с Норрисом, сгорбленный, словно горгулья, натягивая поводья каждый раз, когда лошадь замедляла шаг.

– Далеко мы едем на этот раз? – спросил Норрис.

– За город.

– Куда?

– Какая разница? – Джек прочистил горло и смачно сплюнул на землю.

Разницы не было никакой. Норрис понимал, что ему придется просто перетерпеть эту ночь, какой бы печальной она ни оказалась. На ферме он никогда не боялся тяжелого труда, ему даже нравилось ощущать боль усталых мышц, но после такой работы любому грозили бы кошмарные сны. Точнее, любому нормальному человеку. Взглянув на своего спутника, Норрис задумался: от чего именно Джека могут мучить кошмары, если они вообще когда-нибудь ему снятся?

Повозку трясло по булыжникам, и из дальнего угла телеги слышался грохот лопат – постоянное напоминание о неприятной работе, которая ждала впереди. Норрис подумал о своих коллегах – они наверняка сидят сейчас в теплом «Ура-

гане», допивая последние капли спиртного и собираясь расходиться по домам, чтобы предаться изучению «Анатомии» Вистара. Он бы тоже предпочел погрузиться в занятия, но это была сделка с колледжем, сделка, на которую он с радостью согласился. «Все это ради высшей цели, – думал он, пока они выезжали из Бостона, направляясь на запад, пока гремели лопаты, а повозка поскрипывала в такт словам, стучавшим в его голове: „Высшая цель. Высшая цель“».

– Два дня назад проезжал этой дорогой, – снова сплюнув, начал Джек. – Останавливался вон в той таверне. – Он указал пальцем туда, где сквозь пелену дождя Норрис заметил светящееся окно. – Чудесно поговорили мы с владельцем-то.

Норрис молчал, ожидая продолжения. Есть какая-то причина, по которой Джек заговорил об этом. Он никогда не разводил болтовню на пустом месте.

– Сказал мне, мол, у них в городке целая семья – две молодые дамы и брат ихний – хворает, чахоткой мучается. Совсем плохие, мол. – Джек издал звук, напоминавший смешок. – Придется завтра снова туда наведаться, проверить, собрались ли они преставиться. Повезет, так получим трех сразу. – Джек взглянул на Норриса. – Для этого дельца ты мне понадобишься.

Норрис сдержанно кивнул – его отвращение к этому человеку внезапно возросло настолько, что он с трудом усидел на месте. Хотелось отодвинуться подальше.

– О, ты, видно, считаешь, что слишком хорош для этого, –

заметил Джек. – Верно?

Норрис не ответил.

– Слишком хорош, чтобы якшаться с такими, как я.

– Я делаю это для всеобщего блага.

Джек рассмеялся:

– Ты ж фермер, а говоришь, будто богач какой. Думаешь, удастся сколотить состояние, да? Жить в роскошном доме…

– Не в этом дело.

– Ну и дурак ты после этого. В чем же еще дело, если не в деньгах?

Норрис вздохнул:

– Да, господин Берк, вы, конечно же, правы. Только из-за денег и стоит трудиться.

– Думаешь, сможешь стать одним из тех джентльменов? Думаешь, они будут приглашать тебя на приемы, где устриц едят, позволят ухаживать за своими дочерьми?

– Пришли новые времена. Теперь каждый может возвыситься над своим положением.

– Считаешь, они об этом знают? Гарвардские джентльмены-то? Считаешь, привечать тебя станут?

Норрис молчал, раздумывая, есть ли зерно истины в словах Джека. Его мысли снова вернулись к Венделлу Холмсу, Кингстону и Лакауэю, сидевшим в «Урагане» плечом к плечу со своими собратьями, в таких же отлично сшитых костюмах. Совсем другой мир, бесконечно далекий от «Черной балки», этого царства пропащих, которым правит Фан-

ни Берк. «А ведь сегодня я тоже мог оказаться в „Урагане“, – подумал он. – Венделл приглашал меня, но вот вопрос: из вежливости или из жалости?»

Джек хлестнул поводьями, и телега с грохотом помчалась вперед по грязи и рытвинам.

– Еще ехать и ехать, – пояснил он, а потом громко хмыкнул. – Надеюсь, тутошнему джентльмену поездка пришлась по нраву.

Когда Джек наконец остановил повозку, одежда Норриса уже промокла насквозь. Вылезая из телеги, окоченевший от холода, дрожащий юноша почувствовал, что мышцы его почти не слушаются. Его ноги по щиколотку погрузились в грязь.

Джек сунул ему в руки лопаты:

– Давай поживее!

Прихватив совки и кусок парусины, Джек двинулся по мокрой траве. Фонарь он пока не стал зажигать – не хотел, чтобы его заметили. Казалось, Джек повинуется инстинкту, петляя между надгробиями, и вдруг он остановился на голом участке земли. Здесь не оставили никаких меток, лишь холмик земли, размытой дождем.

– Только сегодня хоронили, – сообщил Джек, берясь за лопату.

– Как вы узнали об этом?

– Говорю с людьми. Прислушиваюсь. – Разглядывая могилу, Джек пробормотал: – Должно быть, голова с той сто-

роны. – Он зачерпнул лопатой землю. – Побывал здесь недели две назад, – добавил он, отбрасывая землю в сторону. – Слышал, что вот-вот богу душу отдаст.

Норрис тоже принялся за работу. Несмотря на то что захоронение было свежим и земля еще не улеглась, почва казалась мокрой и тяжелой. Помахав лопатой всего несколько минут, юноша уже не чувствовал холода.

– Если кто умирает, люди толкуют об этом, – тяжело дыша, заговорил Джек. – Держи ухо востро, и узнаешь, кто вот-вот отойдет в мир иной. А еще гробы заказывают, цветы покупают. – Отбросив в сторону очередную порцию земли, Джек остановился, чтобы отдышаться. – Скрыть свой интерес – вот задачка. Коли в чем заподозрят, заработаешь хлопоты.

Джек снова принялся копать, но уже медленнее. Норрису досталась львиная доля работы, его лопата пробиралась все глубже и глубже. А дождь лил и лил, размывая яму, и брюки Норриса до колена покрывала грязь. Вскоре Джек, вовсе прекратив копать, выбрался из ямы; его одышка усилилась, и Норрис поднял взгляд, только чтобы удостовериться: его спутник не собирается падать с ног. Джек больше не мог работать в одиночку – лишь только по этой причине старый скряга решился поделиться небольшой долей своего дохода, только из-за этого обзавелся помощником. Джек знал, где зарыта добыча, но, чтобы выкопать ее, необходимы были молодая сильная спина и крепкие мышцы. Вот он и присел на

корточки, наблюдая за работой подручного, за тем, как яма становится все глубже и глубже.

Лопата Норриса наткнулась на дерево.

– Ну наконец-то, – проворчал Джек.

Под прикрытием парусины он зажег фонарь, взял лопату и скользнул в яму. Вдвоем мужчины счистили землю с гроба, при этом они находились так близко друг от друга в тесном пространстве, что Норрис чуть не задохнулся от запаха, исходившего у Джека изо рта, – вони табака и гниющих зубов. «Даже от этого трупа, – подумал Норрис, – вряд ли исходит такая мерзость». Постепенно счищая грязь, они обнажили изголовье гроба.

Подсунув под крышку два железных крюка, Джек протянул один конец веревки Норрису. Затем оба вылезли из ямы и, кряхтя, под скрежет гвоздей и скрип дерева принялись с силой тянуть крышку. Внезапно она раскололась, а веревка ослабла, отчего Норрис упал на спину.

– Готово! Достаточно! – воскликнул Джек. Опустив фонарь в яму, он взглянул на обитателя гроба.

Сквозь треснувшую крышку было видно, что труп женский, с бледной, как сало, кожей. Сердцевидное лицо усопшей обрамляли золотые локоны, а на лифе покоился букетик сухих цветов, чьи лепестки рассыпались под дождем. «Такая красивая, – подумал Норрис. – Словно ангел, слишком рано призванный на небеса».

– Свежее не сыщешь, – радостно хихикнул Джек.

Просунув руки между обломками крышки, он подхватил девушку под мышки. Она оказалась такой легкой, что помощь ему не понадобилась – Джек запросто вынул ее из гроба. Только когда он поднял труп из ямы и положил на парусину, его снова одолела отдышка.

– Давай снимем с нее одежду.

Норрис не двигался, вдруг испытав приступ тошноты.

– Как! Ты не хочешь дотрагиваться до красивой девушки?

Норрис покачал головой:

– Она заслуживает лучшего.

– О том, что мы выкопали в прошлый раз, ты не беспокоился.

– То был старик.

– А это девица. Какая разница-то?

– Вы же знаете какая!

– Я знаю только одно: она стоит столько же. И раздевать ее будет куда приятнее.

Джек возбужденно хихикнул и достал нож. На расстегивание пуговиц и крючков у него не было ни времени, ни терпения, поэтому он просто сунул лезвие покойнице за ворот и вспорол ткань; прореха на передней части платья обнажила сорочку, тоненькую, словно паутина. Джек трудился с удовольствием, методично вспарывая юбку, стягивая маленькие атласные тапочки. Норрис мог лишь наблюдать со стороны, потрясенный осквернением девичьей чести. И тем, что осквернителем выступал такой человек, как Джек Берк!

Однако юноша знал, что это необходимо, ибо закон неумолим. Если поймают с ворованным трупом – это уже серьезно, но если плюс к тому обнаружат и вещи, принадлежавшие покойнице, пусть даже небольшой кусочек платья, им грозит куда более суровое наказание. Нужно было брать только труп, и больше ничего. Поэтому Джек безжалостно срывал одежду, снимал кольца с пальцев и атласные ленты с волос. Запихнув все это в гроб, он взглянул на Норриса.

– Так ты поможешь отнести ее в повозку или нет? – рыкнул он.

Норрис посмотрел вниз, на обнаженный труп с белой, как алебастр, кожей. Покойница была болезненно худа, – видимо, какой-то безжалостный недуг поглотил ее плоть. Помочь ей было уже нельзя; возможно, ее смерть еще сможет сотворить благо.

– Кто тут? – раздался издали чей-то голос. – Кто сюда пробрался?

Окрик заставил Норриса пригнуться к земле. Джек тут же потушил фонарь и прошептал:

– Спрячь ее!

Норрис снова перенес труп в яму, а затем они с Джеком укрылись там же. Прижавшись к покойнице, Норрис ощущал биение своего сердца и холод ее кожи. Юноша боялся пошевелиться. Он пытался расслышать приближающиеся шаги сторожа, но слышал лишь перестук дождевых капель и уханье собственного пульса. Женщина лежала под ним,

словно покладистая любовница. А прикасались ли к ее телу другие мужчины, дотрагивались ли до изгибов обнаженной груди? «Или я первый?»

В конце концов Джек отважился поднять голову и выглянуть из ямы.

– Я его не вижу, – прошептал он.

– Возможно, он все еще там.

– Ни один человек в здравом уме не станет в такую погоду торчать на улице дольше, чем это необходимо.

– А как же мы?

– Сегодня дождь – наш союзник. – Крякнув, Джек поднялся и принялся разминать затекшие конечности. – Нужно скорее унести ее.

Не зажигая фонаря, они взялись за работу в темноте. Джек держал ноги, а Норрис подхватил обнаженное тело под руки, ощущая, как мокрые волосы покойницы прилипают к его предплечьям, и вытащил труп из ямы. Сладковатый аромат, исходивший от светлых локонов, маскировал едва уловимый запах разложения. Тело покойницы ожидал неотвратимый распад, скоро красота исчезнет, кожа станет гнить, глаза провалятся… Но сейчас девушка по-прежнему напоминала ангела, и Норрис старался как можно осторожнее уложить ее на парусину.

Когда они принялись быстро закапывать яму, заваливая землей теперь уже пустой гроб, дождь сменился изморосью. Оставить могилу открытой – значит объявить во всеуслыша-

ние, что это работа похитителей, что тело близкого человека украдено. Лучше потратить время на заметание следов, чем рисковать, провоцируя тем самым недовольство властей. Когда последняя горсть земли была возвращена на место, похитители разгладили почву настолько, насколько это было возможно при бледном свете луны, что пробивался между облаками. Через некоторое время здесь вырастет трава, появится надгробие, и родственники по-прежнему будут класть цветы на могилу, в которой уже никто не спит.

Труп обернули парусиной, и Норрис взял покойницу на руки, словно жених, вносящий невесту в дом. Девушка была легкой, невозможно легкой, и Норрис без труда понес ее по мокрой траве, мимо надгробий тех, кто почил до нее. А потом бережно уложил в телегу. Джек осторожно засунул туда же лопаты.

Однако, когда под ледяной моросью ехали в город, осторожность была забыта. Покойницу трясло не меньше лопат, что громыхали возле нее; это был груз, не более того. У Норриса не было причин беседовать с Джеком, и потому он молчал, мечтая лишь об одном: чтобы вечер наконец закончился и он смог расстаться с этим отвратительным человеком. Чем ближе они были к городу, тем чаще попадались на их пути другие телеги и экипажи, другие возницы, имевшие обыкновение при встрече махать руками и выкрикивать приветствия друзьям по несчастью. «Ну и ночка сегодня, а? Повезло же нам! К утру будет дождь со снегом!» Джек радостно

отвечал на приветствия, ничем не выдавая тревоги по поводу запретного груза, который он вез в телеге.

Когда они свернули на булыжную мостовую, за аптекарскую лавку, Джек свистнул. Несомненно, он был весь в предвкушении денег, которые вот-вот заполнят его карман. Они с грохотом остановились на брусчатке. Спрыгнув с телеги, Джек постучал в дверь лавочки. Через минуту она приоткрылась, и Норрис увидел свет лампы, пробивавшийся из щели.

– Один мы достали, – сообщил Джек.

Дверь открылась пошире, и на пороге возник приземистый человек с бородкой, державший в руках лампу. В этот поздний час он уже облачился в ночное белье.

– Тогда вносите. Только тихо.

Сплюнув на мостовую, Джек повернулся к Норрису:

– Ну, давай шевелись. Неси ее сюда.

Норрис подхватил обернутый парусиной труп и понес его в дом. Человек с лампой кивнул в знак приветствия.

– Наверх, доктор Сьюэлл? – спросил Норрис.

– Вы знаете дорогу, господин Маршалл.

Да, Норрис знал дорогу, ибо теперешний визит был не первым посещением этой темной улочки и юноша не впервые нес труп вверх по узкой лестнице. Предыдущий раз с грузом пришлось повозиться: тяжело дыша и постанывая, Норрис тащил дородного мертвеца вверх по лестнице, при этом обнаженные пухлые ноги бились о ступени. Сегодня же груз казался намного легче, едва ли тяжелее ребенка. До-

бравшись до третьего этажа, Норрис остановился в темноте. Доктор Сьюэлл, протиснувшись мимо него, двинулся вперед по коридору; его тяжелые шаги заставляли скрипеть половицы, а свет лампы отбрасывал на стены танцующие тени. Вслед за Сьюэллом Норрис вошел в последнюю дверь – в этой комнате стоял стол, готовый принять драгоценный товар. Норрис осторожно опустил на него труп. Джек поднялся по лестнице вслед за ними и теперь стоял возле стола; в тишине комнаты его одышка казалась еще громче.

Сьюэлл подошел к столу, откинул парусину.

В дрожащем свете лампы лицо девушки казалось розоватым и теплым, будто живым. С мокрых завитков волос капала дождевая вода, стекавшая по щеке блестящими слезами.

– Да, она в хорошем состоянии, – пробормотал Сьюэлл, стаскивая парусину и обнажая тело.

Норрис с трудом подавил желание удержать руку мужчины и помешать осквернению девичьей чести. Он с отвращением заметил похотливый блеск в глазах Джека, интерес, с которым он наклонился поближе, чтобы хорошенько рассмотреть покойную. Глядя в лицо девушки, Норрис подумал: «Мне так жаль, что тебе приходится испытывать унижение».

Сьюэлл выпрямился, а затем кивнул:

– Она подойдет, господин Берк.

– Да она и для забав сгодится, – с улыбкой проговорил Джек.

– Мы делаем это не ради забав, – возразил Сьюэлл. – Она

послужит высшей цели. Просвещению.

– О, конечно, – сказал Джек. – И где же мои деньги? Хочу, чтобы мне заплатили ради такого дела. Ведь я снабжаю само просвещение.

Достав небольшой мешочек, Сьюэлл передал его Джеку:

– Ваше вознаграждение. Я дам столько же, когда вы принесете еще одного.

– Здесь только пятнадцать долларов. А мы уговорились на двадцать.

– Сегодня вам потребовались услуги господина Маршалла. Пять долларов идет в счет оплаты его обучения. Таким образом, получается двадцать.

– Я прекрасно знаю, что получается, – проворчал Джек, запихивая деньги в карман. – Слишком мало за то, чем я вас снабжаю.

– Уверен, я смогу найти другого похитителя трупов, который будет доволен тем, что я плачу.

– Но никто не будет привозить таких свеженьких. И достанется вам только гнилое мясо, кишащее червями.

– Я плачу по двадцать долларов за каждый образец. Нужен вам помощник или нет – дело ваше. Но я сомневаюсь, что господин Маршалл станет работать без соответствующего вознаграждения.

Джек смерил Норриса возмущенным взглядом:

– Он заменяет мне мышцы, вот и все. Но где искать, знаю только я.

– Тогда продолжайте искать их для меня.

– О, уж одного-то я вам точно найду. – Джек повернулся и пошел прочь. В дверях он остановился и с неохотой взглянул на Норриса. – В четверг вечером в «Черной балке». В семь часов! – рявкнул он и вышел из комнаты.

Его шаги прогремели по лестнице, затем хлопнула дверь.

– А разве больше не к кому обратиться? – спросил Норрис. – Он невероятно низкий человек.

– Но именно с такими людьми нам и приходится сотрудничать. Все похитители трупов одинаковы. Если бы наши законы не зависели от предрассудков, подонки вроде него не имели бы к нам никакого отношения. Но до этого момента мы вынуждены связываться с господином Берком и ему подобными. – Сьюэлл снова подошел к столу и взглянул на девушку. – Во всяком случае, ему удается доставать подходящие трупы.

– Доктор Сьюэлл, я бы с радостью занялся какой-нибудь другой работой.

– Вы же хотите стать врачом, разве нет?

– Да, но работать с этим человеком… Нет ли каких-нибудь иных заданий для меня?

– Самая острая необходимость для колледжа – приобретение образцов.

Норрис поглядел на девушку. И тихо проговорил:

– Не думаю, что она когда-либо представляла себя в роли образца.

– В сущности, все мы образцы, господин Маршалл. Стоит извлечь душу, и все тела становятся одинаковыми. Сердце, легкие, почки. Если заглянуть под кожу, даже такая красивая молодая женщина не станет исключением. Конечно, когда умирает кто-то юный, это всегда трагедия. – Доктор Сьюэлл быстро накрыл труп парусиной, и ткань, взлетев, нежно опустилась на стройную фигуру девушки. – Но ее смерть послужит благородной цели.

4

Роза проснулась от стонов. Всю ночь просидев на стуле у постели Арнии, она задремала. Теперь же, подняв голову и ощутив боль в шее, она вдруг увидела, что ее сестра лежит с открытыми глазами; лицо Арнии исказило страдание.

Роза выпрямилась:

– Арния!

– Я больше не вынесу. Я хочу умереть.

– Дорогая, что ты такое говоришь!

– Морфий… он не приносит облегчения.

Вдруг Роза взглянула на простыню Арнии. На свежее кровавое пятно. И в тревоге поднялась с места.

– Я позову сестру.

– И священника, Роза. Прошу тебя.

Девушка выскочила из палаты. Масляные лампы слабо освещали тьму, их пламя колебалось, когда она пробегала мимо. Роза вернулась к постели сестры в сопровождении сестер Робинсон и Пул, и к тому времени ярко-красное пятно на белье Арнии угрожающе расплылось.

Бросив испуганный взгляд на кровь, мисс Пул рявкнула другой сестре:

– Ее нужно срочно отправить в операционную!

Посылать за доктором Краучем не было времени; вместо него разбудили молодого врача-практиканта, который жил

при больнице, доктора Берри. Взлохмаченный, с красными глазами, он появился в операционной, куда спешно перевезли Арнию. Увидев такое количество крови, доктор Берри тут же побледнел.

– Нам нужно торопиться! – воскликнул он, роясь в чемоданчике с инструментами. – Нужно опорожнить матку. Возможно, придется пожертвовать ребенком.

– Нет, – страдальческим голосом запротестовала Арния. – Нет, мой ребенок должен жить!

– Держите ее, – приказал врач. – Будет больно.

– Роза, – взмолилась Арния. – Не позволяй им убивать моего ребенка!

– Мисс Коннолли, выйдите отсюда! – рявкнула сестра Пул.

– Нет, она нам понадобится, – возразил доктор Берри.

– Мы вдвоем удержим пациентку.

– Когда я начну, наверняка окажется, что вас с сестрой Робинсон недостаточно.

Подступила очередная схватка, и Арния скорчилась, а ее стон сменился криком.

– О боже, как больно!

– Привяжите ей руки, мисс Пул, – приказал доктор Берри. А потом взглянул на Розу. – И вы тоже. Вы ее сестра?

– Да, сэр.

– Идите сюда, помогите успокоить ее. И придержите, если понадобится.

Роза, дрожа, приблизилась к кровати. Металлический запах крови казался невыносимым. Матрас стал ярко-красным, а заляпанные кровью бедра Арнии теперь были выставлены на всеобщее обозрение – необходимость сохранить жизнь заставила забыть обо всех попытках прикрыть срам. Одного взгляда на мертвенно-бледное лицо доктора Берри было достаточно, чтобы Роза поняла: положение ужасно. К тому же он был молод, даже чересчур молод для таких затруднительных ситуаций, его усы бледной ниточкой тянулись вдоль верхней губы. Пока он в панике искал необходимый инструмент, на низеньком столике оказывалось все больше и больше хирургических принадлежностей. Выбранное доктором Берри приспособление, судя по виду, было создано для того, чтобы калечить и дробить.

– Пощадите моего ребенка, – простонала Арния. – Прошу вас.

– Я постараюсь сохранить жизнь вашему малышу, – пообещал доктор Берри. – Только мне нужно, мадам, чтобы вы лежали абсолютно спокойно. Вы поняли?

Арния с трудом кивнула.

Сестры привязали руки Арнии, а затем заняли места у противоположных сторон кровати, чтобы удерживать ноги.

– Дорогуша! Держите ее за плечи, – велела Розе сестра Пул. – Не позволяйте ей отрываться от кровати.

Оказавшись у изголовья, Роза положила руки на плечи Арнии. Зеленые глаза сестры были полны ужаса, длинные

рыжие волосы разметались по подушке, а лицо стало молочно-белым. Ее вспотевшая кожа словно бы источала страх. Внезапно лицо Арнии исказила боль, и она дернулась вверх, оторвав голову от подушки.

– Держите ее хорошенько! Держите! – приказал доктор Берри.

Сжимая в руках огромные щипцы, он склонился к промежности Арнии, и Роза возблагодарила Бога за то, что не увидит дальнейших действий врача. Арния закричала так пронзительно, будто кто-то вырывает душу из ее тела. Вдруг в лицо доктору плеснуло красным, и он отскочил; его рубашку забрызгало кровью.

Голова Арнии снова упала на подушку, она тяжело дышала, а крики стихли, превратившись в стоны. Во внезапной тишине возник какой-то другой звук. Странное мяуканье, постепенно перераставшее в плач.

«Ребенок. Ребенок жив!»

Врач выпрямился, держа в руках новорожденную девочку с испачканной кровью синеватой кожей. Он передал ребенка сестре Робинсон, которая быстро завернула плачущего младенца в полотенце.

Роза взглянула на рубашку врача. Столько крови! Куда бы она ни посмотрела – на матрас, на простыни, – всюду была кровь. Она взглянула в лицо сестры и заметила, что губы Арнии шевелятся, но из-за крика ребенка девушке не удалось разобрать слова.

Сестра Робинсон поднесла спеленатого младенца к кровати Арнии.

– Вот ваша малышка, госпожа Тейт. Смотрите, какая славная!

Арния с трудом сосредоточила взгляд на ребенке.

– Маргарет, – прошептала она, и к горлу Розы подступили слезы. Так звали их маму.

«Если бы только она смогла дожить до этого дня и увидеть свою первую внучку!»

– Расскажи ему, – прошептала Арния. – Он не знает.

– Я пошлю за ним, – пообещала Роза. – Я заставлю его прийти.

– Ты должна сказать ему, где я.

– Он знает, где ты, – произнесла Роза и подумала: «Просто Эбен так и не удосужился тебя проведать».

– Кровотечение слишком сильное. – Доктор Берри запустил руку в промежность Арнии, но теперь женщина была почти без сознания и потому лишь слегка поморщилась от боли. – Но задержавшейся плаценты я не могу нащупать.

Он сдвинул в сторону испачканные инструменты, и щипцы с грохотом упали на пол. Затем доктор прижал руки к животу Арнии и принялся энергично массировать кожу, разминая плоть. Кровь продолжала пропитывать простыни, и пятно становилось все больше. Врач поднял глаза, в которых ясно отражалась тревога.

– Холодную воду, – потребовал он. – Как можно холоднее!

Нам понадобятся компрессы. И спорынья!

Сестра Робинсон уложила спеленатого младенца в колыбель и стремглав понеслась прочь выполнять указания доктора.

– Он не знает, – простонала Арния.

– Ей нужно лежать спокойно! – велел доктор Берри. – Она усугубляет кровотечение!

– Пока я еще жива, кто-то должен сказать ему, что у него есть ребенок…

Дверь распахнулась, и в помещение ворвалась сестра Робинсон с тазом, наполненным водой.

– Доктор Берри, я старалась налить похолоднее, – сообщила она.

Врач окунул в таз полотенце и, отжав его, положил на живот пациентки ледяной компресс.

– Дайте ей спорынью!

Новорожденный ребенок заходился криком в своей колыбельке, и с каждым новым вдохом крик становился все пронзительнее.

– Ради всего святого, заберите отсюда ребенка! – вдруг выпалила сестра Пул. Но когда сестра Робинсон потянулась к колыбели, она рявкнула: – Не вы! Вы нужны здесь. Отдайте ребенка ей. – Сестра Пул бросила взгляд на Розу. – Заберите и успокойте свою племянницу. Нам нужно позаботиться о вашей сестре.

Подхватив орущего младенца, Роза неохотно подошла к

двери. А затем остановилась и оглянулась на сестру. Губы Арнии стали еще белее, а лицо постепенно приобретало мертвенно-бледный оттенок; она беззвучно шептала что-то.

«Господи, будь милостив. Если Ты слышишь ее молитву, оставь в живых мою дорогую сестру».

Роза вышла из операционной. В полутемном коридоре она принялась качать плачущего младенца, но он не успокаивался. Тогда она засунула палец в маленький ротик Маргарет, и девочка, сомкнув беззубые десны, начала сосать. Наконец-то наступила тишина. Внезапно в темном проходе подул холодный ветер, затушив две лампы. Теперь теплилась только одна. Роза смотрела на закрытую дверь, которая отделяла ее от единственной родной души.

«Нет, отныне есть еще один родной человечек, – подумала девушка, бросив взгляд на малышку Маргарет. – Ты».

Роза стояла под дрожащим светом единственной лампы, разглядывая светлые, напоминавшие пух волосы младенца. Веки ребенка набрякли от родовых мучений. Роза рассмотрела все пять маленьких пальчиков и подивилась безупречности пухлых ручек, которые портило одно-единственное пятнышко на запястье – клубничный невус, похожий на красное сердечко. «Значит, вот она какая, новая жизнь, – размышляла девушка, глядя на спящего ребенка. – Такая румяная и теплая». Роза положила руку на крошечную грудку и сквозь одеяло ощутила биение сердечка, быстрое, как у птички. «Такая милая девочка, – подумала она. – Моя ма-

ленькая Мегги».

Дверь внезапно открылась, и в коридор ворвалась струя света. Сестра Пул вышла из операционной, закрыла за собой дверь, остановилась и поглядела на Розу так, словно была удивлена ее присутствием.

Опасаясь худшего, Роза спросила:

– А моя сестра?

– Она еще жива.

– А ее состояние? Она…

– Кровотечение прекратилось – вот все, что я могу вам сказать, – отрезала сестра Пул. – А теперь отнесите ребенка в палату. Там теплее. В коридоре слишком сильный сквозняк, не место для новорожденной. – С этими словами она отвернулась и быстро двинулась прочь по коридору.

Роза поежилась и, взглянув на Мегги, подумала: «Да, здесь тебе слишком холодно, бедняжка». Вместе с ребенком девушка вернулась в родильную палату и уселась на старый стул, стоявший возле пустой кровати Арнии. Малышка уснула у Розы на руках, а ночь все тянулась и тянулась. В окна бился ветер, снег с дождем скребся в стекло, вот только новостей о состоянии Арнии по-прежнему не было.

С улицы послышался грохот колес по булыжникам. Роза подошла к окну. Во дворе остановился фаэтон, запряженный одной лошадью; лицо кучера скрывал навес. Внезапно лошадь испуганно захрапела и нервно забила копытами, словно грозя умчаться прочь. В следующее мгновение Роза по-

няла причину ее тревоги – по двору пробежала большая собака; силуэт животного стремительно пронесся по мокрой от дождя и снега мостовой.

– Мисс Коннолли!

Вздрогнув, Роза обернулась и увидела Агнес Пул. Женщина проскользнула в палату так тихо, что девушка не услышала ее шагов.

– Отдайте мне ребенка.

– Но она спит так крепко, – возразила Роза.

– Ваша сестра все равно не сможет выкормить девочку. Она слишком слаба. Я позволила себе вольность и уже договорилась кое о чем.

– О чем же?

– За ней приехали из детского приюта. Они найдут ей кормилицу. И, вполне вероятно, хороший дом.

Роза с недоверием уставилась на сестру.

– Но ведь она не сирота! У нее есть мать!

– Мать, которая вряд ли выживет. – Сестра Пул протянула руки, которые вдруг показались Розе отвратительными лапами. – Отдайте девочку мне. Это для ее же блага. Вы наверняка не сможете о ней позаботиться.

– Но ведь у ребенка есть и отец. Вы даже не спросили его позволения.

– А как я могла это сделать? Он даже не потрудился появиться здесь.

– Арния согласилась на это? Позвольте мне поговорить с

ней.

– Она без сознания. И ничего не сможет сказать.

– Тогда я буду говорить за нее. Это моя племянница, мисс Пул, моя родственница. – Роза покрепче обняла ребенка. – Я никогда не отдам ее чужому человеку.

Лицо Агнес Пул превратилось в раздраженную гримасу. В какой-то момент Розе показалось, что она готова вырвать дитя у нее из рук. Но вместо этого сестра отвернулась и поспешно вышла из палаты; резкое шуршание юбки сопровождало каждый ее шаг. Дверь шумно захлопнулась.

Во дворе лошадиные копыта нервно застучали по камням.

Роза снова приблизилась к окну и увидела, как, шагнув из тени, Агнес Пул двинулась по дорожке к ожидавшему фаэтону, чтобы поговорить с пассажиром. Через минуту кучер щелкнул хлыстом, и лошадь поцокала прочь. Коляска выехала за ворота, и Агнес Пул одиноко застыла темным силуэтом на блестящих камнях мостовой.

Роза взглянула на младенца, лежавшего у нее на руках, на спящее личико, черты ее дорогой сестры в миниатюре. «Никто и никогда не заберет тебя у меня. До тех пор, пока я дышу».

5

Наши дни

– Доктор Айлз, спасибо, что согласились встретиться со мной так скоро. – И Джулия уселась в кресло, стоявшее в кабинете судмедэксперта.

Она вошла в стылое здание с улицы, где пылал летний зной, и теперь смотрела на женщину, которая, казалось, очень комфортно чувствовала себя в этой жуткой холодине. Если не считать фотографий цветов на стенах, кабинет Мауры Айлз выглядел по-деловому: папки, книги, микроскоп и рабочий стол, который содержался в безупречном порядке. Джулия тревожно заерзала в кресле: ей вдруг почудилось, будто она сама оказалась под линзами микроскопа.

– Возможно, вы нечасто получаете запросы вроде моего, но мне правда нужно знать. Для собственного спокойствия.

– Вам следовало бы поговорить с доктором Петри, – заметила Айлз. – Скелет – это объект судебной антропологии.

– Я пришла не из-за скелета. Я уже беседовала с доктором Петри, но она не сказала мне ничего нового.

– Тогда чем же я могу вам помочь?

– Когда я покупала дом, агент по недвижимости сообщи-

ла мне, что предыдущей владелицей была пожилая женщина, которая там и умерла. Предполагается, что смерть была естественной. Но несколько дней назад мой ближайший сосед проговорился, что в округе произошло несколько краж со взломом. А в прошлом году видели мужчину, который ездил туда-сюда по дороге, будто бы высматривая дома. И теперь я засомневалась…

– Была ли эта смерть естественной? – без обиняков продолжила Айлз. – Об этом вы хотите спросить, так ведь?

Джулия встретила взгляд судмедэксперта:

– Да.

– Боюсь, то вскрытие производила не я.

– Но ведь отчет у вас наверняка есть, да? Там должна быть указана причина смерти, так ведь?

– Но для этого мне нужно знать имя покойной.

– У меня все с собой. – Потянувшись к сумочке, Джулия вытащила из нее целую пачку ксерокопий и передала бумаги Айлз. – Это сообщение о ее смерти из местной газеты. Женщину звали Хильда Чамблетт. И это вся информация о ней, которую мне удалось отыскать в прессе.

– Значит, вы уже начали копаться в этом деле.

– Я все время о нем думаю. – Джулия смущенно усмехнулась. – Кроме того, у меня на заднем дворе нашли тот старый скелет. Я чувствую себя неспокойно оттого, что на моем участке умерли сразу две женщины.

– Они умерли с разницей по крайней мере в сто лет.

– Меня главным образом волнует та, что умерла в прошлом году. Особенно после того, что мой сосед рассказал о кражах.

Айлз кивнула:

– Полагаю, меня бы это тоже волновало. Позвольте, я найду отчет. – Она вышла из кабинета и спустя всего несколько минут вернулась с папкой в руках. – Это вскрытие проводил доктор Костас, – сообщила судмедэксперт, усаживаясь за свой стол. Она открыла папку. – «Чамблетт, Хильда, девяносто два года, найдена на заднем дворе своего дома в Вестоне. Останки обнаружил один из родственников, который был в отъезде и не навещал ее три недели. Поэтому точное время смерти неясно». – Айлз перевернула страницу и замолчала. – Фотографии здесь не особенно приятные, – заметила она. – Вам не стоит на них смотреть.

Джулия сглотнула:

– Нет, не стоит. Может, вы просто прочтете мне заключение?

Отыскав резюме, Айлз подняла глаза:

– Вы уверены, что хотите это слышать? – Джулия кивнула, и Айлз вновь начала читать вслух: – «Труп обнаружили в положении супинации среди высокой травы и сорняков, за которыми его не было видно даже на расстоянии нескольких шагов…»

«Те самые сорняки, с которыми я сражалась, – подумала Джулия. – Я выдергивала те самые растения, что скрывали

тело Хильды Чамблетт».

– «На открытых участках тела не сохранилось неповрежденных мягких тканей или кожи. На туловище по-прежнему находятся обрывки одежды, которая, судя по всему, представляла собой хлопковое платье без рукавов. Отчетливо видны шейные позвонки, на которых мягкие ткани не сохранились. Толстый и тонкий кишечник почти полностью отсутствуют, а сохранившиеся легкие, печень и селезенка имеют дефекты с зазубренными краями. Представляют интерес пушистые расщепленные волокна, обнаруженные на всех суставах конечностей и предположительно являющиеся нервными и мышечными фибрами. На надкостнице черепа, ребер и костей конечностей также имеются пушистые волокнистые участки. Возле трупа замечено много птичьего помета, – Айлз подняла глаза, – предположительно принадлежавшего воронам».

Джулия посмотрела на судмедэксперта:

– Значит, говорите, это сделали вороны?

– Это описание – классический случай для ворон. Вообще, птицы часто наносят посмертные повреждения. Даже хорошенькие певчие пташки клюют и разрывают кожу покойников. Вороны значительно крупнее, и к тому же они плотоядные птицы, а потому могут быстро превратить труп в скелет. Они поглощают все виды тканей, однако совсем оторвать нервные волокна и сухожилия им не удается. После многократного клевания волокна растрепываются, но по-

прежнему держатся на суставах. Именно поэтому доктор Костас называет их «пушистыми» – вороньи клювы изрядно ободрали их. – Айлз закрыла папку. – Вот и весь отчет.

– Но вы не сообщили мне о причине смерти.

– Потому что определить ее невозможно. Прошло три недели, труп слишком сильно поврежден птицами и подвергся разложению.

– Значит, вы ничего не можете сказать?

– Ей было девяносто два года. Лето было жарким, и она находилась в саду одна. Вполне можно предположить, что сердце не выдержало.

– Но уверенности в этом нет.

– Нет.

– Значит, могло произойти…

– Убийство? – Айлз в упор взглянула на Джулию.

– Она жила одна. И защиты у нее не было.

– В отчете ничего не говорится о беспорядке в доме. Или о следах кражи.

– Возможно, убийца и не собирался ничего красть. Может быть, его интересовала именно она. И то, что он мог с ней сделать.

– Поверьте мне, – спокойно проговорила Айлз, – я понимаю, о чем вы думаете и чего опасаетесь. По роду деятельности я часто вижу, что люди вытворяют друг с другом. Ужасные вещи, заставляющие задумываться о том, что значит быть человеком и чем мы отличаемся от животных. Но

эта смерть не вызывает у меня подобной тревоги. Некоторые вещи происходят довольно часто, и в случае с девяностодвухлетней женщиной, тело которой нашли на заднем дворе, мысли об убийстве возникают не сразу. – Некоторое время Айлз внимательно смотрела на Джулию. – Вижу, вас этот ответ не удовлетворяет.

Джулия вздохнула:

– Даже и не знаю, что думать. Я очень жалею, что купила этот дом. С тех пор как переехала, я ни одной ночи не спала спокойно.

– Вы прожили там не так уж долго. Переезжать на новое место всегда волнительно. Подождите немного – и привыкнете. На это всегда уходит время.

– Мне снились разные сны, – призналась Джулия.

Судя по виду, эта фраза не произвела на Айлз никакого впечатления, да и с чего бы? Эта женщина ежедневно препарирует покойников, она выбрала профессию, от которой многие мучились бы кошмарами.

– Какие сны?

– Прошло три недели, а я вижу их почти каждую ночь. Я все еще надеюсь, что они прекратятся, что это реакция на потрясение, которое я пережила, обнаружив кости у себя в саду.

– После этого любому будут сниться кошмары.

– Я не верю в привидения. Не верю, правда. Но мне кажется, что она пытается что-то сказать мне. Попросить меня

о чем-то.

– Покойная владелица? Или скелет?

– Не знаю. Кто-то.

Выражение лица Айлз оставалось абсолютно нейтральным. Если она и считала, что Джулия не в себе, то ничем этого не выдала. Но слова не оставляли сомнений относительно ее позиции в этом деле.

– Не уверена, что смогу помочь вам в этом вопросе. Я всего-навсего патолог и, как специалист, уже высказала вам свое мнение.

– И вы, как специалист, считаете, что вероятность убийства все-таки существует, так ведь? – настойчиво спросила Джулия. – Вы не можете исключить эту возможность?

Айлз помедлила с ответом.

– Нет, – наконец проговорила она. – Не могу.

Той ночью Джулии снились вороны. Несколько сотен птиц, сидя на ветках старого дерева, смотрели на нее своими желтыми глазами. И ждали.

Она резко проснулась от хриплого карканья и, открыв глаза, увидела, что через незанавешенное окно в комнату проникает блеклый утренний свет. Пара черных крыльев, изогнутых, как два серпа, мелькнула в небе. За ней еще одна. Поднявшись с кровати, Джулия подошла к окну.

Дуб, на котором сидели вороны, не был похож на мертвое дерево из ее сна, напротив, он весь покрылся сочной летней

листвой. По крайней мере два десятка птиц собрались там на какой-то вороний ритуал; они усыпали ветви, словно черные плоды, каркали, хлопали блестящими крыльями. Джулия и раньше видела их на этом дереве и не сомневалась, что именно они пировали на останках Хильды Чамблетт прошлым летом, именно они своими острыми клювами раздирали плоть, превращая ее в нити из нервов и сухожилий. И вот они снова тут как тут, снова жаждут ощутить вкус плоти. Птицы знали, что Джулия наблюдает за ними, и тоже смотрели на нее пугающе умными глазами, будто бы знали, что это просто вопрос времени.

«Мне нужно повесить занавески на окна», – отвернувшись, подумала Джулия.

На кухне она сварила кофе и намазала тост маслом и джемом. Утренний туман начал рассеиваться, уступая место сиянию солнечного дня. Подходящее время, чтобы раскидать очередной мешок компоста и удобрить клумбу возле речки новой порцией торфяного мха. Вчера вечером Джулия укладывала плитку в ванной, и теперь у нее болела спина, но все равно не хотелось терять ни единого погожего денька. «На мою жизнь приходится не так уж много посадочных сезонов, – думала она, – и стоит лету пройти, его уже не вернешь». Она и без того потратила несколько сезонов впустую. «А этот будет моим».

Вороны на улице шумно закаркали и забили крыльями. Выглянув в окно, Джулия увидела, что птицы как по коман-

де поднялись в воздух и врассыпную полетели прочь. Тогда Джулия посмотрела в дальний угол двора, на речку, и сразу же поняла, почему вороны умчались так внезапно.

На краю участка стоял какой-то мужчина. И пристально смотрел на дом.

Джулия резко отстранилась, чтобы он ее не увидел. А потом снова подобралась к окну и выглянула наружу. Стройный и темноволосый, он в это прохладное утро был одет в синие джинсы и коричневый свитер. Туман поднимался над травой перистыми прядями, вился вокруг ног незнакомца. «Если ты пройдешь дальше по моему участку, – подумала Джулия, – я вызову полицию».

Он сделал два шага в сторону ее дома.

Помчавшись на кухню, она схватила трубку радиотелефона. А потом снова рванула к окну, чтобы посмотреть, где он, но мужчина исчез. Кто-то принялся скрестись в дверь кухни. Вздрогнув, Джулия чуть было не выронила трубку. «Там ведь заперто, верно? Я заперла дверь вчера вечером или нет?» Джулия набрала 911.

– Маккой! – послышался окрик. – Ну же, мальчик мой, выходи оттуда!

Снова выглянув в окно, Джулия увидела, что голова человека опять высунулась из-за высоких сорняков. По крыльцу что-то застучало, и в следующий момент Джулия увидела золотистого лабрадора, мчавшегося по двору навстречу мужчине.

– Оператор службы экстренной помощи.

Джулия взглянула на телефон. О боже, какая же я идиотка!

– Извините, – сказала она. – Я позвонила вам случайно.

– У вас все нормально, мэм? Вы уверены?

– Да, все замечательно. Я случайно задела кнопку быстрого набора. Благодарю вас. – Она положила трубку и снова посмотрела на улицу.

Мужчина нагнулся, чтобы пристегнуть поводок к ошейнику собаки. Выпрямляясь, он бросил взгляд на окно и, увидев Джулию, помахал ей рукой.

Она открыла дверь кухни и вышла во двор.

– Извините, пожалуйста! – крикнул он. – Я не собирался заходить на вашу территорию, но мой пес убежал. Он считает, что Хильда по-прежнему здесь живет.

– Он и раньше здесь бывал?

– О да. У Хильды всегда был сухой корм для Маккоя. – Мужчина усмехнулся. – А он ни за что не забудет, где дают дармовую еду.

Джулия спустилась по холму навстречу гостю. Она уже не боялась его. Трудно представить, что насильник или убийца способен завести такого симпатичного пса. По мере приближения Джулии он все активнее пританцовывал на поводке, стремясь поскорее свести знакомство.

– Насколько я понимаю, вы новая хозяйка? – осведомился мужчина.

– Джулия Хэмилл.

– Том Пейдж. Я живу чуть дальше по дороге. – Он протянул ей руку, но потом вспомнил о пластиковом мешке, который сжимал в пальцах, и смущенно усмехнулся. – Ой! Собачьи дела. Я стараюсь убирать за ним.

Так вот почему он периодически пропадал в траве, догадалась Джулия. Он всего-навсего наводил порядок после собаки.

Пес нетерпеливо гавкнул и вскочил на задние лапы, стараясь привлечь внимание Джулии.

– Маккой! Сидеть, мальчик мой! – Том потянул за поводок, и собака неохотно послушалась.

– Маккой – в честь «Настоящей Маккой»?[2] – поинтересовалась она.

– Мм… нет. В честь доктора Маккоя.

– А! «Звездный путь».

Том взглянул на нее, смущенно улыбнувшись:

– Должно быть, это выдает мой возраст. Страшно подумать, что многие нынешние подростки даже и не слышали о докторе Маккое. Чувствуешь себя стариком.

Но на старика он совсем не похож, решила Джулия. Возможно, ему сорок с небольшим. Когда она смотрела из окна, волосы Тома казались черными, вблизи же была заметна проседь; его темные глаза, сощуренные от утреннего солнца, окружали морщинки, – наверное, он любил посмеяться.

---

[2] *«Настоящая Маккой»* – американский боевик 1993 года.

– Я рад, что дом Хильды наконец-то купили, – признался Том, глядя на старую постройку. – А то некоторое время он казался слишком уж заброшенным.

– Но состояние у него довольно плачевное.

– Хильде было трудно следить за ним. С двором она вообще плохо справлялась, но держалась так замкнуто, что никому не позволяла здесь работать. – Том взглянул на участок голой земли, где проводилась эксгумация. – А если бы позволила, этот скелет уже давным-давно нашли бы.

– Вы уже знаете об этом.

– Все соседи знают. Несколько недель назад я заходил, чтобы посмотреть на раскопки. У вас тут целая команда рыла.

– А я вас не видела.

– Мне не хотелось, чтобы вы посчитали меня чересчур любопытным. Но мне действительно было интересно. – Том бросил на нее такой проницательный взгляд, что Джулия почувствовала себя неуютно: он словно пытался прочитать ее мысли. – Вам здесь нравится? – полюбопытствовал Том. – Если не брать в расчет скелеты.

Она обхватила себя за плечи, пытаясь защититься от ледяного утреннего воздуха.

– Не знаю.

– Еще не поняли?

– То есть мне очень нравится Вестон, но кости меня напугали. Сознание того, что она пролежала тут в земле столько

лет… Из-за этого я чувствую себя такой… – Джулия пожала плечами. – Одинокой, наверное. – Она посмотрела в сторону бывшего захоронения. – Мне хотелось бы знать, кто она.

– А в университете вам не сказали?

– Там считают, что эта могила появилась в начале девятнадцатого века. Череп женщины был проломлен в двух местах, и похоронили ее без всяких почестей. Просто завернули в шкуру животного и бросили в землю. Будто бы торопились избавиться от нее.

– Разбитая голова и поспешные похороны? По мне, это сильно напоминает убийство.

Джулия взглянула на Тома:

– Я тоже так думаю.

Некоторое время они молчали. Туман почти рассеялся, и на деревьях защебетали птички. На этот раз не вороны, а певчие пташки, грациозно порхавшие с ветки на ветку. «Странное дело, – подумала она, – ворон будто и не было».

– Это не ваш телефон звонит? – спросил Том.

Тоже услышав звонок, Джулия обернулась и посмотрела на дом:

– Наверное, стоит подойти.

– Приятно было познакомиться! – крикнул Том в тот момент, когда Джулия взбегала по ступеням крыльца.

Очутившись на кухне, она увидела, как, таща на поводке упирающегося Маккоя, Том двинулся прочь. Она даже фамилию его забыла. Было у него на руке обручальное кольцо

или нет?

Звонила Вики.

– Ну и что происходило в последней серии твоего «Большого ремонта»?[3] – спросила она.

– Вчера вечером я положила напольную плитку в ванной.

Джулия по-прежнему смотрела в сад; коричневый свитер Тома уже слился с тенью деревьев. Похоже, это его любимый старый свитер, решила она. Вряд ли станешь показываться на публике в такой замызганной одежде, если не испытываешь к ней сентиментальной привязанности. Из-за этой привязанности он кажется еще более привлекательным. Из-за нее и из-за собаки.

– …И мне действительно кажется, что тебе надо снова начать встречаться с мужчинами.

Джулия опять сосредоточила внимание на Вики:

– Что?

– Я знаю, что ты не любишь ходить на свидания вслепую, но он действительно хороший парень.

– Вики, юристов с меня достаточно.

– Не все они похожи на Ричарда. Некоторые на самом деле отдают предпочтение нормальным женщинам, а не расфуфыренным Тифаниям. Кстати, я недавно узнала, что ее папаша – большая шишка в банке «Морган Стэнли». Неудивительно, что у нее будет роскошная, шумная свадьба.

---

[3] *«Большой ремонт»* – американский телесериал, демонстрировавшийся в 1990-х годах.

– Вики, мне действительно ни к чему все эти подробности.

– Мне кажется, кто-то должен шепнуть на ушко папочке, что его милая девочка выходит замуж за полного придурка.

– Мне нужно идти. Я была в саду, и у меня все руки в земле. Позвоню тебе позже.

Джулия положила трубку и тут же почувствовала приступ вины за эту безобидную ложь. Но даже упоминание имени Ричарда способно было омрачить ее настроение на целый день, и она не хотела думать о нем. Лучше уж удобрить сад.

Прихватив садовую шляпу и перчатки, Джулия снова вышла во двор и посмотрела в сторону речки. Том в коричневом свитере скрылся из виду, и Джулия испытала приступ разочарования. «Один мужчина тебя недавно бросил. И что же, ты снова стремишься остаться с разбитым сердцем?» Взяв лопату и тачку, она направилась вниз по склону в сторону давнишней клумбы, которую пыталась возродить. С грохотом катя тачку по траве, она задумалась о том, как часто старая Хильда Чамблетт ходила по этой заросшей тропинке. Носила ли она шляпу, как у Джулии, останавливалась ли, искала ли глазами щебечущих птичек, обращала ли внимание на изогнутую ветку этого дуба?

Знала ли, что июльский день станет для нее последним на этом свете?

Вечером Джулия чувствовала себя слишком усталой, чтобы заниматься готовкой, и решила обойтись томатным су-

пом и горячим сэндвичем с сыром. Она ела за кухонным столом, разложив перед собой ксерокопии статей о Хильде Чамблетт. Заметки были краткими; в них сообщалось лишь, что пожилую женщину обнаружили мертвой на заднем дворе ее дома и что смерть, скорее всего, не была следствием насилия. Цитировалось высказывание одного из соседей: «Умереть летним днем в собственном саду – разве можно придумать смерть лучше?»

Джулия прочитала некролог:

«Хильда Чамблетт, всю жизнь прожившая в Вестоне, штат Массачусетс, 25 июля обнаружена мертвой на своем заднем дворе. В бюро судмедэкспертизы определили, что ее смерть произошла „скорее всего, вследствие естественных причин“. Прожив последние двадцать лет во вдовстве, она была известна в садоводческих кругах как большая любительница растений, отдававшая предпочтение ирисам и розам. У нее осталось несколько родственников, среди которых двоюродный брат Генри Пейдж из Айлсборо, штат Мэн, племянница Рейчел Серрей из Роанока, штат Виргиния, а также двоюродный внук и две двоюродные внучки».

Телефон зазвонил так неожиданно, что Джулия облила страницу томатным супом. «Наверняка Вики, – решила она, – возможно, удивляется, что я ей не перезвонила». Ей не хотелось говорить с Вики, не хотелось слушать о грандиозных планах, касавшихся свадьбы Ричарда. Но если не ответить сейчас, Вики позвонит позже.

Джулия сняла трубку:

– Алло.

– Это Джулия Хэмилл? – спросил скрипучий голос, явно принадлежащий пожилому мужчине.

– Да, она самая.

– Значит, это вы купили дом Хильды.

Джулия поморщилась:

– А кто это?

– Генри Пейдж. Двоюродный брат Хильды. Я слышал, вы нашли у нее в саду какие-то старые кости.

Вернувшись к кухонному столу, Джулия быстро просмотрела некролог. Пятно от супа оказалось как раз на том предложении, в котором перечислялись родственники Хильды. Она промокнула суп и увидела нужное имя: «…ее двоюродный брат Генри Пейдж из Айлсборо, штат Мэн…»

– Эти кости вызвали у меня определенный интерес, – проговорил старик. – Понимаете, я считаюсь историком семейства. Потому что никому больше нет до этого дела, – фыркнув, добавил он.

– Что вы можете мне рассказать об этих костях? – поинтересовалась Джулия.

– Ничегошеньки.

«Тогда зачем вы мне звоните?» – подумала она.

– Я сейчас все это расследую, – сообщил он. – После себя Хильда оставила около тридцати коробок со старыми бумагами и книгами. Никто не хотел забирать их, поэтому они

перешли ко мне. Признаюсь, я просто отставил их в сторону и ни разу не притрагивался к ним за прошедший год. Но потом узнал о таинственных костях, и мне стало любопытно: а вдруг в коробках найдется что-нибудь об этом? – Он замолчал. – Вам это интересно или мне лучше заткнуться и распрощаться?

– Я слушаю.

– Так поступает большинство моих родственников. История теперь никого не волнует. Все только и делают, что гонятся и гонятся за свежими новостями.

– Расскажите об этих коробках, господин Пейдж.

– Ах да. Я наткнулся на некоторые любопытные документы, имеющие историческую ценность. И задумался: а если я нашел ответ на вопрос, кому принадлежали эти кости?

– Что там за документы?

– Письма и газеты. Они все здесь, у меня дома. Можете взглянуть на них в любое время, когда захотите приехать в Мэн.

– Это же ужасно далеко, верно?

– Не очень, если вам действительно любопытно. Мне совершенно безразлично, интересуетесь вы этим или нет. Но поскольку речь идет о вашем доме, о людях, которые когда-то в нем жили, я подумал, что эта история может вас увлечь. Я действительно так считаю. Эта история кажется необыкновенной, но есть газетная статья, которая все подтверждает.

– Какая газетная статья?

– О жестоком убийстве одной женщины.

– Где? Когда?

– В Бостоне. Это произошло осенью тысяча восемьсот тридцатого года. Если вы приедете в Мэн, мисс Хэмилл, вы сами прочитаете все эти документы. О странной истории Оливера Венделла Холмса и Вест-Эндского потрошителя.

6

1830 год

Роза набросила на голову платок, поплотнее укуталась в него, стремясь защититься от ноябрьского холода, и вышла на улицу. Малышку Мегги, жадно сосавшую грудь одной из рожениц, она оставила в родильной палате; нынче вечером Роза впервые за два дня покинула больницу. Из-за тумана ночной воздух был влажным, но девушка с радостью вдыхала его, чувствуя облегчение оттого, что пусть ненадолго, но ей удалось избежать больничных запахов и болезненных стонов. Роза остановилась на улице, глубоко дыша, стремясь вытолкнуть из своих легких миазмы болезни и ощутить ароматы реки и моря, послушать грохот проезжавших в тумане экипажей. «Я так много времени просидела взаперти с умирающими, что почти забыла, каково это – ходить на свободе среди живых».

Так она и шла по тесному лабиринту улиц в сторону верфи, торопливо шагая сквозь пронизывающий до костей туман; звук ее шагов отражали стены из кирпича, скрепленного известковым раствором. В суровой ночи ей встретилось несколько других прохожих, и Роза еще плотнее закута-

лась в платок, словно он мог сделать ее невидимой, защитить от глаз незримых злоумышленников. Она ускорила шаг, и ее дыхание зазвучало неестественно громко, звук усиливался благодаря густеющему туману, который становился все непроглядней по мере приближения к порту. Вскоре сквозь шум собственного дыхания Роза различила звук шагов за спиной.

Она остановилась и обернулась.

Шаги приближались.

С ухающим сердцем она попятилась назад. Из заполнявшего улицу тумана медленно выступило что-то темное, постепенно обретавшее ясные очертания, и это что-то двигалось прямо к ней.

– Мисс Роза! – позвал чей-то голос. – Мисс Роза! Это ты?

Напряжение тут же отпустило ее. Увидев, что из тумана возник долговязый подросток, она вздохнула с облегчением:

– Черт возьми, Билли! Я надеру тебе уши!

– За что, мисс Роза?

– За то, что испугал меня до полусмерти.

Печальный взгляд, который подросток бросил на Розу, казалось, свидетельствовал о том, что она раньше и вправду драла его за уши.

– Я не собирался этого делать, – принялся жалобно оправдываться он.

И это, конечно же, соответствовало действительности – парнишка не мог отвечать и за половину своих поступков.

Полоумного Билли знали все, и все от него открещивались. Он постоянно досаждал своим присутствием жителям бостонского Вест-Энда, бродя по сараям и конюшням в поисках места для ночлега, питаясь объедками, которые удавалось выпросить у жалостливых хозяек и торговцев рыбой.

Билли провел по лицу грязной рукой и захныкал:

– Ты очень сердишься на меня, да?

– Почему ты бродишь здесь в такое время?

– Ищу своего кутенка. Он пропал.

Если у кутенка была хоть капля здравого смысла, он наверняка сбежал.

– Что ж, надеюсь, ты его найдешь, – проговорила Роза, собираясь продолжить путь.

Паренек поплелся за ней.

– А куда ты идешь?

– За Эбеном. Ему нужно пойти в больницу.

– Зачем?

– Моя сестра тяжело больна.

– Как это – больна?

– У нее горячка, Билли.

Проведя неделю в родильной палате, Роза понимала, что будет дальше. В течение суток после рождения маленькой Мегги живот Арнии начал распухать, а матка – источать зловонные выделения, которые, как уже знала Роза, почти наверняка означают начало конца. Очень многие молодые матери умирали на ее глазах от родильной горячки. Она не раз

замечала печальный взгляд сестры Робинсон, взгляд, говоривший: «Ничего не поделаешь».

– Она умрет?

– Я не знаю, – тихо ответила Роза. – Не знаю.

– Я боюсь покойников. Когда я был маленьким, я видел мертвого тятьку. Меня заставляли поцеловать его, хотя у него вся кожа обгорела, но я не соглашался. Я ведь был плохим мальчиком из-за того, что не послушался?

– Нет, Билли, я никогда не считала тебя плохим мальчиком.

– Я не хотел прикасаться к нему. Но это был мой тятька, и мне говорили, что я должен.

– Может, ты как-нибудь потом расскажешь мне об этом? Я тороплюсь.

– Знаю. Потому как идешь за господином Тейтом.

– Ступай поищи своего кутенка, почему ты перестал его искать? – И Роза ускорила шаг, надеясь, что на этот раз парень не увяжется за ней.

– В меблированных комнатах его нет.

Прежде чем до нее дошел смысл сказанного, Роза сделала еще несколько шагов. А затем остановилась:

– Что?

– Господин Тейт… У госпожи О'Киф его нет.

– Откуда ты знаешь? Где же он?

– Я видел его в «Русалке». Господин Ситтерли дал мне кусочек пирога с бараниной и наказал съесть его на улице.

Тут я и увидел господина Тейта, он вошел внутрь и даже не поздоровался.

– Ты точно знаешь, Билли? Он все еще там?

– Если дашь мне двадцатипятицентовик, я тебя туда отведу.

Роза отмахнулась от него:

– У меня нет двадцатипятицентовика. И дорогу я знаю.

– А девятипенсовика?

Она двинулась прочь:

– Девятипенсовика тоже нет.

– А цента? А полцента?

Продолжая свой путь, Роза не очень обрадовалась, когда ей наконец удалось отделаться от зануды. Она думала об Эбене, о том, что скажет ему. Гнев на зятя, обычно затаенный, теперь клокотал, так что по прибытии в «Русалку» ей вдруг захотелось наброситься на него, подобно дикой кошке с выпущенными когтями. Остановившись на пороге, Роза перевела дух. Через окно поблескивал теплый свет очага, доносились взрывы хохота. Ей вдруг захотелось взять и уйти подальше от него, пускай себе пьет. Для Арнии это все равно ничего не изменит.

«Для него приход в больницу – последняя возможность проститься. Ты должна это сделать». С этими мыслями Роза толкнула дверь и вошла в таверну.

В тепле она ощутила покалывание онемевших от холода щек. У входа девушка замешкалась, окидывая взглядом зал

и завсегдатаев, которые сидели за столами и толклись возле бара. За угловым столиком сидела растрепанная темноволосая женщина в зеленом платье и громко хохотала. Несколько мужчин уставились на Розу; несмотря на жар, царивший в таверне, их взгляды заставили ее поплотнее укутаться в платок.

– Вас обслужить? – крикнул какой-то человек, стоявший за стойкой бара.

Это, должно быть, господин Ситтерли, решила Роза, хозяин заведения, угостивший Билли пирогом с бараниной, видимо, лишь для того, чтобы вытолкать парня из своего заведения.

– Мисс! – снова окликнул ее мужчина.

– Я ищу одного человека, – ответила она.

Ее взгляд остановился на женщине в зеленом платье. Рядом с ней сидел какой-то господин; обернувшись, он смерил Розу возмущенным взглядом.

Она приблизилась к его столу. При ближайшем рассмотрении женщина, которая сидела рядом с ним, казалась абсолютно отталкивающей; лиф ее платья был залит выпивкой и заляпан едой. Она разинула рот, демонстрируя гниющие зубы.

– Эбен, тебе нужно пойти в больницу, – сказала Роза.

Муж Арнии только пожал плечами:

– Не видишь, я уже весь изгоревался?

– Сходи к ней сейчас, пока еще не поздно. Пока она еще

жива.

– О ком она толкует, дорогой? – потянув Эбена за рукав, спросила женщина; до Розы донесся тошнотворный запах ее гниющих зубов.

– О моей жене, – проворчал Эбен.

– А ты не говорил мне, что женат.

– Значит, говорю сейчас. – Он хлебнул рома.

– Как можно быть таким бессердечным? – возмутилась Роза. – Ты не был у нее целых семь дней. Ты даже не пришел посмотреть на свою дочь!

– Я уже отказался от нее. Пусть ее забирают дамы из сиротского приюта.

Роза в ужасе уставилась на зятя:

– Ты не можешь так думать!

– А что, прикажете возиться с этой девчонкой? Это ведь из-за нее мне пришлось жениться на твоей сестре. Она ждала ребенка, и я выполнил свой долг. Невинной она не была, сестра-то твоя. – Он пожал плечами. – Они найдут хорошее место для ребенка.

– Она должна жить в семье. Я сама выращу ее, если придется.

– Ты?! – Он рассмеялся. – Ты сошла с корабля всего несколько месяцев назад и только и знаешь, что орудовать ниткой да иголкой.

– Я знаю достаточно, чтобы позаботиться о родной душе. – Роза схватила Эбена за руку. – Вставай! Тебе придется

пойти со мной.

Он оттолкнул ее:

– Оставь меня в покое.

– Встань же, мерзавец! – Роза обеими руками потянула его за плечо, и он неуклюже поднялся. – Ей осталось всего несколько часов. Даже если это ложь и даже если она тебя не услышит, ты скажешь, что любишь ее.

Оттолкнув Розу в сторону, Эбен с трудом поднялся; он был пьян и едва стоял на ногах. В таверне наступила абсолютная тишина, если не считать потрескивающего в очаге пламени. Эбен сообразил, что многие смотрят на него с осуждением. Окружающие слышали их разговор и на этот раз вряд ли станут ему сочувствовать.

Он выпрямился, стараясь говорить вежливо:

– Нечего бранить меня, точно вора. Я иду. – Он одернул куртку, поправил воротник. – Мне просто нужно было допить свой стакан.

С гордо поднятой головой Эбен направился к выходу и, споткнувшись на пороге, вышел на улицу. Роза последовала за ним в ледяной туман; влажный холод пробирал до костей. Через десяток шагов Эбен, резко развернувшись, остановился напротив Розы.

Удар заставил девушку отшатнуться. Качнувшись, она прислонилась к стене какого-то здания; пульсирующая боль в щеке оглушала, несколько секунд в глазах было темно. Роза даже не успела понять, что будет и второй удар. Он обру-

шился сбоку, и, рухнув на колени, девушка почувствовала, как ледяная вода пропитывает ее юбку.

– Это за то, что ты дерзила мне на людях! – прорычал Эбен.

Схватив Розу за руку, он потащил ее по мостовой в узкий грязный проулок.

Очередной удар пришелся по губам, и она ощутила вкус крови.

– А это – за те четыре месяца, пока мне приходилось терпеть тебя. Ты вечно была на ее стороне, вы постоянно объединялись против меня, ты и она. Мои планы расстроились, и все из-за того, что она понесла. Думаешь, она не умоляла меня об этом? Считаешь, мне пришлось ее соблазнять? О нет, твоя святая сестренка сама этого хотела. Она не боялась показать мне свои прелести. Только товар оказался порченым.

Он рывком поднял Розу на ноги, а затем оттолкнул к стене.

– Так что не стоит изображать невинность. Я знаю, какие отбросы водятся в вашей семейке. Знаю, чего ты хочешь. То же, чего хотела твоя сестра.

Он навалился на нее, прижав девушку к кирпичной стене. Его резко пахну́вший ромом рот сомкнулся на ее губах. Роза настолько оцепенела от побоев, что у нее не было сил оттолкнуть Эбена. Она ощущала, как к нижней части ее живота прижимается отвердевшая мужская плоть, как рука Эбе-

на трогает ее груди. Задрав юбку, он принялся ощупывать ее нижнее белье и чулки, рвать ткань, чтобы добраться до нагого тела. Прикосновение чужой руки к бедру заставило девушку вздрогнуть и распрямить спину.

«Да как ты смеешь!»

Ее кулак угодил Эбену под подбородок, и Роза услышала, как его челюсти сомкнулись, как клацнули зубы. Он вскрикнул и покачнулся, прижимая руку ко рту.

– Мой язык! Я прикусил себе язык! – Он посмотрел на свою руку. – Боже, у меня кровь!

Роза побежала. Она помчалась прочь из переулка, но Эбен бросился за ней, хватая за волосы; шпильки рассыпались по камням. Увернувшись, она споткнулась, наступив на край разорванной нижней юбки. Но, вспомнив о том, что он прикасался к ее бедру, дышал ей в лицо, Роза тут же снова вскочила на ноги. Приподняв юбку выше колен, она кинулась в море тумана. Он сбивал с толку. Роза не знала, на какой улице она находится и в какую сторону бежит. К реке? К порту? Было понятно только одно: туман – ее прикрытие, ее союзник, и чем глубже она погрузится в него, тем легче будет спастись. Эбен слишком пьян и не сможет угнаться за ней, не говоря уж о погоне по лабиринту узких улиц. Его шаги начали отдаляться, проклятия стали тише, и вскоре она различала только стук своих туфель по мостовой и биение крови в ушах.

Свернув за угол, Роза остановилась, хрипло дыша. До нее

донесся шум колес проезжавшего мимо экипажа, но погони слышно не было. Роза поняла, что находится на Кембридж-роуд и, чтобы добраться до больницы, ей придется идти назад.

Эбен знает, что она пойдет туда. Он будет ждать ее.

Наклонившись, Роза оборвала путавшийся под ногами подол нижней юбки. А потом двинулась в северном направлении, стараясь держаться переулков и время от времени останавливаясь, чтобы понять, не слышны ли шаги. Туман был таким густым, что Роза видела лишь очертания проезжавшей по дороге телеги; казалось, цоканье копыт доносится одновременно отовсюду – так раскалывалось и рассыпалось в тумане эхо. Увязавшись за телегой, Роза старалась угнаться за ней, пока та ехала по Блоссом-стрит в сторону больницы. Если Эбен решит напасть, она будет кричать, пока не охрипнет. Возница наверняка остановится и придет ей на помощь.

Но тут телега свернула направо, прочь от больницы, и Роза осталась на улице одна. Она знала, что больница находится прямо напротив, на Норд-Аллен, но в тумане здания не было видно. Эбен наверняка выжидает момент, чтобы наброситься на нее. Вглядываясь в очертания улицы, Роза чувствовала, что впереди маячит угроза, представляла себе, как мощная фигура поджидающего ее Эбена проступает сквозь туман.

Она развернулась. В здание можно попасть и другим путем, но тогда придется тащиться к черному ходу по влажной

траве, растущей на больничных угодьях. Девушка остановилась на кромке лужайки. Дорогу скрывал туман, но между его космами Роза, пусть с трудом, различала свет больничных окон. Эбен наверняка не предполагает, что она побредет по темному полю. Он-то уж точно не стал бы так утруждаться, зная, что придется испачкать ботинки.

Роза с трудом перебралась на траву. Поле сильно вымокло под дождем, и теперь в туфли проникала ледяная вода. Свет больничных окон порой пропадал в тумане, и Розе приходилось останавливаться, чтобы заново определить направление. Вон же они – нужно идти налево. В темноте она немного отклонилась от цели, но теперь ей удалось сориентироваться. Взбираясь на небольшой пригорок, ведущий к зданию, девушка заметила, что огни стали ярче, а туман немного рассеялся. Промокшие юбки липли к ногам и так тянули вниз, что каждый шаг давался с трудом. Когда Роза, споткнувшись, переступила с травы на булыжную мостовую, она уже едва держалась на онемевших от холода ногах.

Вконец замерзшая и дрожащая, она начала подниматься по лестнице черного хода.

И вдруг ее туфля скользнула по испачканной чем-то темным ступени. Взглянув наверх, девушка увидела, как что-то, словно водопад, темными каскадами струится вниз. И только когда Роза задрала голову настолько, что смогла обнаружить исток водопада, она заметила раскинутое на ступеньках женское тело; юбки покойницы разметались в стороны,

а рука была выброшена вперед, словно в немом приветствии смерти.

Сначала Роза слышала лишь стук собственного сердца и шум своего дыхания. А потом – звук шагов; над ней двигалась чья-то тень, зловещей тучей загораживая луну. У Розы кровь застыла в жилах. Она не сводила глаз с очертаний неизвестного существа.

И видела воплощенную смерть.

В ужасе она не могла произнести ни слова; споткнувшись, девушка попятилась на нижнюю ступень и чуть было не упала. Внезапно существо в черном плаще, вздымавшемся гигантскими крыльями, устремилось прямо к Розе. Она кинулась бежать, но впереди простиралась пустая, подернутая туманом лужайка. Место казни. «Если побегу туда, наверняка погибну».

Она резко свернула направо и помчалась вдоль здания. Девушка слышала, как чудовище гонится за ней, как шаги за спиной становятся все громче.

Роза метнулась в проулок и оказалась во дворе. Она подбежала к ближайшей двери, но та была заперта. Девушка принялась колотить по ней, громко просить о помощи, но никто не ответил.

«Я в западне».

Где-то за спиной по булыжникам рассыпался гравий. Роза повернулась лицом к своему преследователю. В темноте она с трудом различала движения черной фигуры. Девушка при-

валилась к двери, хватая ртом воздух и всхлипывая. Вспомнив о мертвой женщине, о водопаде крови на лестнице, Роза скрестила руки на груди в ничтожной попытке загородить свое сердце.

Тень приближалась.

Сжавшись в ожидании рокового удара, Роза повернулась к тени лицом. И вдруг услышала чей-то голос, кто-то задал ей вопрос, смысл которого дошел не сразу:

– Мисс! Мисс, что случилось?

Роза открыла глаза и увидела мужскую фигуру. В темноте за спиной незнакомца мигал огонек, который постепенно становился ярче. Он исходил от фонаря, что покачивался в руке у второго приближавшегося к ним мужчины.

– Кто там? Эй! – крикнул человек с фонарем.

– Венделл! Сюда!

– Норрис? Что за шум?

– Здесь какая-то девушка. Похоже, она ранена.

– Что с ней приключилось?

Свет фонаря на мгновение ослепил Розу. Моргнув, она уставилась на молодых людей, которые смотрели на нее. Она узнала обоих, и они узнали ее.

– Это… Это ведь мисс Коннолли, да? – спросил Норрис Маршалл.

Роза всхлипнула. У нее внезапно подкосились ноги. Девушка сползла по стене и опустилась прямо на булыжники.

7

Норрис никогда прежде не встречался с господином Праттом из ночной стражи Бостона, но ему доводилось сталкиваться с подобными людьми, с теми, кто так кичится своей властью, что не способны понять непреложную истину, ясную всем окружающим: они непроходимо глупы. Больше всего Норрису досаждали высокомерие Пратта, его движения, выпяченная грудь, военная манера размахивать руками – именно так он шествовал в прозекторский зал больницы. Господин Пратт не был крупным мужчиной, но изо всех сил старался показаться внушительным. Самой впечатляющей его чертой были усы – таких кустистых Норрис с роду не видывал. Они выглядели так, будто рыжая белка вцепилась в его верхнюю губу и никак не хотела отпускать. Наблюдая за тем, как стражник делает пометки карандашом, Норрис не мог оторвать глаз от его усов, представляя, что воображаемая белка внезапно спрыгивает вниз и Пратт пускается в погоню за своей беглой растительностью.

Наконец стражник оторвал взгляд от своих записей и посмотрел на Норриса и Венделла, стоявших возле накрытого простыней трупа. И тут же переключился на доктора Крауча, который – в этом не оставалось сомнений – был главным медиком в помещении.

– Доктор Крауч, так вы говорили, что осмотрели труп? –

осведомился Пратт.

– Только поверхностно. Мы позволили себе перенести тело в здание. Было бы неправильно оставить ее там, на холодной лестнице, где любой мог бы споткнуться о тело. Она нам не чужая, но даже если б была посторонней, все равно заслуживала бы толики уважения.

– Значит, вы все были знакомы с покойной?

– Да, сэр. Когда вынесли фонарь, мы все узнали ее. Погибшая – мисс Агнес Пул, старшая медсестра этого учреждения.

– Мисс Коннолли наверняка сказала вам об этом, – вмешался Венделл. – Разве вы не допрашивали ее?

– Да, но я считаю необходимым подтвердить все ее показания. Вы же знаете этих взбалмошных девиц. Особенно ирландок. Они с легкостью врут, все зависит от того, откуда ветер дует.

– Я вряд ли назвал бы мисс Коннолли взбалмошной девицей, – возразил Норрис.

Глаза стражника Пратта сузились, когда он посмотрел на Норриса.

– Вы ее знаете?

– Ее сестра – здешняя пациентка, лежит в родильной палате.

– Вы ее хорошо знаете, господин Маршалл?

Пратт изучающе смотрел на Норриса, и юноше это не нравилось.

– Однажды мы с ней разговаривали. О лечении ее сестры.

Карандаш Пратта заскользил по бумаге.

– Вы ведь изучаете медицину, верно?

– Да.

Пратт оглядел одежду Норриса:

– На вашей рубашке кровь. Вы знаете об этом?

– Я помог вынести тело с лестницы. А до того ассистировал доктору Краучу.

Стражник воззрился на Крауча:

– Это правда, доктор?

Норрис почувствовал, что краснеет:

– Думаете, я стал бы врать об этом? В присутствии доктора Крауча?

– Мой долг – искать правду.

«Ты слишком глуп, чтобы распознать, когда тебе говорят правду, а когда лгут», – подумал Норрис.

– Господин Холмс и господин Маршалл – мои ученики. До этого на Брод-стрит они помогали мне со сложным вызовом.

– Кого вы вызывали?

По тому, как доктор Крауч уставился на Пратта, было ясно, что вопрос стражника поразил его.

– Как вы думаете, кого мы вызывали? Духов?

Пратт хлопнул карандашом по записной книжке:

– В сарказме нет необходимости. Я просто хочу знать, где каждый из вас был нынче вечером.

– По мне, это просто возмутительно. Я врач, сэр, и вовсе не обязан отчитываться в своих действиях.

– А эти двое – ваши ученики? Вы были с ними весь вечер?

– Нет, не были, – будто бы ненароком возразил Венделл.

Норрис с удивлением посмотрел на своего коллегу. Зачем снабжать этого человека ненужными сведениями и тем самым лишь подпитывать его подозрения? Стражник Пратт и вправду напоминал готового к прыжку усатого кота, который притаился у мышиной норы.

– И когда же вы не были в обществе друг друга?

– Желаете, чтобы я описал вам свои визиты в отхожее место? Кажется, я и по большой нужде ходил. А вы, Норрис?

– Господин Холмс, я не понимаю вашего отвратительного юмора.

– К таким абсурдным вопросам без юмора и не подступишься. Бог ты мой, да ведь именно мы вызвали ночную стражу!

Усы Пратта задергались. Белка заволновалась.

– Не вижу никакой необходимости в богохульстве, – холодно ответил стражник, засовывая карандаш в карман. – Ну что же. Покажите мне тело.

– А разве констебль Лайонс не должен присутствовать? – осведомился доктор Крауч.

Пратт одарил его гневным взглядом:

– Утром он получит мой отчет.

– Он должен быть здесь. Это серьезное дело.

– В данный момент за все отвечаю я. Все факты будут изложены констеблю Лайонсу в более подходящее время. Я не

вижу причины поднимать его с постели. – Пратт указал на прикрытое тканью тело. – Откройте ее, – повелел он.

Пратт принял невозмутимую позу и выпятил подбородок, желая показать: я настолько самонадеян, что какой-то там труп вряд ли сможет меня смутить. Но когда доктор Крауч откинул простыню, Пратт невольно разинул рот и отшатнулся от стола. Норрис уже видел труп и даже помог занести его в помещение, но все равно в очередной раз был потрясен видом тех ранений, которые были нанесены Агнес Пул. Покойницу не стали раздевать, да это и не нужно было делать. Передняя часть ее платья была вспорота ножом, и на виду оказались все увечья – раны были такие жуткие, что стражник Пратт, замерший на месте и белый как полотно, некоторое время не мог вымолвить ни слова.

– Как видите, – начал доктор Крауч, – раны ужасны. До приезда представителя властей я не стал завершать осмотр. Но беглого взгляда достаточно, чтобы заключить: убийца не просто вспорол тело жертвы. Он пошел гораздо дальше, гораздо. – Закатав рукава, Крауч взглянул на Пратта. – Если хотите рассмотреть повреждения, вам придется приблизиться к столу.

Пратт сглотнул:

– Я… я и так все отлично вижу.

– Сомневаюсь. Но если вы слабоваты для такого зрелища, то не стоит извергать содержимое своего желудка на труп. – Надев фартук, он завязал его на спине. – Господин Холмс,

господин Маршалл, мне нужна ваша помощь. Вам повезло, что вы сможете как следует попрактиковаться. Не всем студентам выпадает такая счастливая возможность на первом году обучения.

«Счастливая» – в голове Норриса это слово никак не вязалось с тем, что он видел, глядя на рассеченное туловище. Он вырос на ферме отца, а потому запах крови и убой свиней и коров были ему не в новинку. Он уже не раз практиковался, помогая фермерам потрошить туши и снимать шкуры. Норрис знал, как выглядит и как пахнет смерть, ибо всегда трудился в ее присутствии.

Но это был другой лик смерти – слишком уж близкий и слишком знакомый лик. Сердце и легкие, на которые он смотрел, принадлежали не свинье и не корове. А лицо с отвисшей челюстью всего несколько часов назад было покрыто живым румянцем. Он смотрел на сестру Пул и, вглядываясь в ее остекленевшие глаза, будто бы видел свое будущее. Норрис неохотно снял со стены фартук и, повязав его, стал рядом с доктором Краучем. Венделл оказался по другую сторону стола. Их разделял окровавленный труп, однако лицо Венделла не выражало отвращения, напротив, в его чертах сквозило чрезвычайное любопытство. «Неужели только я помню, кем была эта женщина? – изумлялся Норрис. – Человеком она была не самым приятным, это уж точно, но ведь она не обычная покойница, не безымянный труп, предназначающийся для вскрытия».

Окунув тряпку в таз с водой, доктор Крауч осторожно удалил кровь с краев раны.

– Как видите, господа, лезвие, скорее всего, было достаточно острым. Порезы ровные и очень глубокие. А рисунок… рисунок весьма интересный.

– Что вы имеете в виду? Какой рисунок? – спросил Пратт приглушенным голосом, звучавшим так, словно он говорил в нос.

– Если вы подойдете к столу, я покажу вам.

– Разве вы не видите, я записываю! Просто обрисуйте его мне.

– Одного описания недостаточно. Может, лучше послать за констеблем Лайонсом? Наверняка хоть кто-то из стражи способен выполнить свой долг.

Пратт покраснел от гнева. И, наконец подойдя к столу, остановился рядом с Венделлом. Затем бросил взгляд на зияющую рану в брюшине и быстро отвел глаза.

– Так-то. Я все видел.

– А вы заметили рисунок и то, насколько он причудлив? Прямой разрез поперек живота – от одного бока к другому. И перпендикулярный разрез, которым рассекли печень, – по средней линии до самой грудины. Оба настолько глубокие, что любой в отдельности мог бы стать причиной смерти. – Просунув руку внутрь раны, доктор Крауч вынул кишки и принялся старательно их разглядывать, затем опустил блестящие кольца в ведро, стоявшее на краю стола. – Видимо,

лезвие было достаточно длинным. Оно прошло до самого позвоночника и даже верхнюю часть левой почки задело. – Врач поднял глаза. – Видите, господин Пратт?

– Да. Да, конечно.

Пратт и не собирался смотреть на труп; казалось, его взгляд навсегда застыл на запачканном кровью фартуке Норриса.

– А теперь посмотрим на вертикальный разрез. Он тоже беспощадно глубок.

Собрав оставшуюся часть тонкого кишечника, Крауч вытащил его и так бы и уронил на край стола, если бы Венделл вовремя не подставил ведро. Потом из брюшной полости один за другим были изъяты прочие органы. Печень, селезенка, поджелудочная железа.

– Вот здесь лезвие прорезало нисходящую аорту, что и является причиной обилия крови на лестнице. – Крауч поднял глаза. – Смерть наступила быстро от обескровливания.

– От обес… чего? – спросил Пратт.

– Очень просто, сэр, из нее вытекла вся кровь.

Пратт нервно сглотнул и все-таки заставил себя опустить взгляд на брюшину, которая теперь напоминала пустую впадину.

– Вы сказали, что лезвие было длинным. Насколько длинным?

– Чтобы проникнуть так глубоко? По крайней мере сантиметров восемнадцать-двадцать.

– Возможно, нож мясника.

– Я без всяких сомнений сравнил бы это убийство с работой мясника.

– А возможно, это был меч, – предположил Венделл.

– Я бы посчитал, что это довольно подозрительно, – возразил Крауч, – идти по городу, лязгая кровавым мечом.

– Почему вы считаете, что это меч? – спросил Пратт.

– Тип увечий. Два перпендикулярных разреза. В библиотеке моего отца есть книга о чудны́х обычаях Дальнего Востока. В ней я читал о таких же ранениях, их наносят в ходе японского обряда сеппуку. Ритуального самоубийства.

– Очень сомнительно, что это самоубийство.

– Я понимаю. Но рисунок точно такой же.

– Рисунок действительно очень любопытный, – признал доктор Крауч. – Две отдельные перпендикулярные раны. Создается впечатление, что убийца хотел вырезать знак…

– Креста? – Внезапно заинтересовавшись, Пратт поднял глаза. – Убитая не была ирландкой, верно ведь?

– Нет, – ответил Крауч, – почти наверняка нет.

– Но ведь многие пациентки в больнице – ирландки?

– Миссия этой больницы – помогать несчастным. Многие наши пациенты, если не большинство из них, пользуются благотворительной помощью.

– То есть они ирландцы. Как мисс Коннолли.

– А теперь послушайте меня. – Венделл заговорил чересчур прямолинейным тоном. – Вы наверняка усмотрели

слишком много смысла в этих ранах. Они напоминают крест, но это еще не означает, что убийца – папист.

– Вы их защищаете?

– Я просто указываю на недостатки вашей аргументации. Нельзя приходить к умозаключениям, исходя лишь из особенностей увечий. В таком случае мое объяснение не менее основательно.

– Что какой-то японец забрался на корабль с мечом? – Пратт рассмеялся. – Вряд ли в Бостоне отыщется такой человек. Зато папистов здесь много.

– Можно прийти и к другому заключению: убийца хочет, чтобы вы обвинили папистов!

– Господин Холмс, – осадил его Крауч, – может, не стоит рассказывать ночной страже, в чем заключается их работа.

– Их работа – выяснение истины, а не беспочвенные предположения, основанные на религиозном фанатизме.

Глаза Пратта внезапно сузились.

– Господин Холмс, вы ведь состоите в родстве с преподобным Абиелом Холмсом? Из Кембриджа?

В зале повисло молчание, и Норрис заметил, как по лицу Венделла проскользнула тревожная тень.

– Да, – наконец подтвердил Венделл. – Это мой отец.

– Превосходный, честный кальвинист. А вот его сын…

– Благодарю вас, – парировал Венделл, – его сын позаботится о себе сам.

– Господин Холмс, – предостерег его доктор Крауч, – ва-

ше поведение не принесет особой пользы.

– Но будет взято на заметку, – заверил Пратт. «И не забудется», – читалось в его взгляде. Стражник обратился к Краучу: – Доктор, насколько хорошо вы знали мисс Пул?

– Она наблюдала за многими моими пациентками.

– И ваше мнение о ней?

– Она была сведущей и умелой. И очень почтительной.

– Были ли у нее враги? Вам что-нибудь известно об этом?

– Безусловно, нет. Она ведь была медицинской сестрой. Ее задача – облегчать боль и страдания.

– Но ведь наверняка случалось, что кто-нибудь из пациентов или их родственников был недоволен? И мог бы обратить свой гнев на больницу и ее персонал?

– Возможно. Но я не могу припомнить человека, который…

– А как насчет Розы Коннолли?

– Юной дамы, которая обнаружила тело?

– Да. Не было ли у нее разногласий с сестрой Пул?

– Могли быть. Девушка достаточно своевольна. Сестра Пул жаловалась мне на ее требовательность.

– Она беспокоилась по поводу лечения ее сестры, – вмешался Норрис.

– Но, господин Маршалл, это не оправдывает непочтительное поведение, – возразил доктор Крауч. – С чьей бы то ни было стороны.

Пратт перевел взгляд на Норриса:

– Вы защищаете эту девицу.

– Судя по всему, мисс Коннолли очень близка со своей сестрой, поэтому у нее есть причины для огорчения. Я имел в виду только это.

– Она огорчена до такой степени, что могла бы применить силу?

– Этого я не говорил.

– Как именно вы обнаружили ее нынче вечером? Она ведь находилась во дворе, верно?

– Доктор Крауч попросил нас прийти в родильную палату из-за недавно возникшего кризиса. Я шел сюда из дома.

– Где вы живете?

– Я снимаю комнату в мансарде, сэр, в дальнем конце Бридж-стрит. Это на самом краю больничных угодий.

– Поэтому, чтобы добраться до больницы, вы пересекаете угодья?

– Да. Именно так я пришел сегодня, по лужайке. Я был почти у больницы, когда услышал крики.

– Крики мисс Коннолли? Или погибшей?

– Женские крики. Это я точно знаю. Я двинулся на звук и обнаружил во дворе мисс Коннолли.

– Видели ли вы существо, которое она так образно описывает? – Пратт посмотрел в свою книжку. – «Чудовище, воплощенная смерть в черном плаще с капюшоном, полы которого развевались, точно крылья гигантской птицы». – Стражник поднял взгляд.

Норрис покачал головой:

– Этого существа я не видел. Я видел только девушку.

Пратт воззрился на Венделла:

– А где были вы?

– Я был в больнице, ассистировал доктору Краучу. Я также услышал крики и направился на улицу с фонарем. Во дворе я обнаружил господина Маршалла и дрожащую мисс Коннолли.

– Дрожащую?

– Было совершенно очевидно, что она напугана. Наверняка решила, что один из нас – убийца.

– Вы заметили в ней что-нибудь необычное? Кроме того, что она казалась напуганной?

– Она была очень напугана, – произнес Норрис.

– Например, что-нибудь в ее одежде. Состояние ее платья. Вы не обратили внимания, что оно сильно разорвано?

– Господин Пратт, она ведь убежала от убийцы, – проговорил Норрис. – И вполне могла показаться потрепанной.

– Ее платье порвано, будто бы она ожесточенно сражалась с кем-то. Не с вами ли?

– Нет, – ответил Венделл.

– Почему бы вам не спросить у нее о том, как это случилось? – предложил Норрис.

– Я спрашивал.

– И что же она ответила?

– Она уверяет, что это случилось несколько раньше. Когда

муж ее сестры пытался пристать к ней. – Пратт с отвращением покачал головой. – Эти люди – словно животные, плодящиеся в доходных домах.

Норрис уловил в голосе стражника оттенок предубеждения. «Животные». Звучало отвратительно. О да, юноше уже доводилось слышать, что так называют ирландцев, этих «безнравственных тварей», которые постоянно распутничают, постоянно рожают. Для Пратта Роза была очередной ирландкой, мерзкой иммигранткой, как и тысячи ее собратьев, теснившиеся в доходных домах Южного Бостона и Чарльзтауна, именно из-за их нечистоплотности и вечно сопливых отпрысков в городе началась эпидемия оспы и холеры.

– Вряд ли мисс Коннолли можно назвать животным! – возмутился Норрис.

– Вы так хорошо ее знаете, что можете это утверждать?

– Я считаю, что такого оскорбления не достоин ни один человек.

– Для мимолетного знакомого вы слишком рьяно кинулись на ее защиту.

– Мне жаль ее. Жаль, что ее сестра умирает.

– Ах это. С этим уже покончено.

– Что вы имеете в виду?

– Это случилось нынче вечером, – сообщил Пратт, захлопывая записную книжку. – Сестра Розы Коннолли умерла.

8

«Мы так и не смогли попрощаться».

Обмывая тело Арнии, Роза влажной тряпицей стирала грязные разводы, засохший пот и слезы с лица, которое казалось теперь удивительно гладким, не тронутым тревогой и мучениями. «Если рай на самом деле существует, – размышляла она, – то Арния наверняка уже там и видит, что я в беде… Мне страшно, Арния. И нам с Мегги некуда пойти».

В свете лампы тщательно расчесанные волосы Арнии отливали медью и, словно шелк, струились по подушке. Тело было омыто, но запах по-прежнему не исчезал; зловоние не покидало плоти той, что когда-то обнимала Розу, а в детские годы даже делила с ней постель.

«Для меня ты по-прежнему красавица. И навсегда останешься красавицей».

Малышка Мегги крепко спала в маленькой корзинке, стоявшей возле кровати; она не знала, что ее мамы больше нет, что в ее будущем нет определенности. «Сразу видно, что это ребенок Арнии», – подумала Роза. Те же рыжие волосы, та же очаровательная форма губ. Эти два дня Мегги кормили три роженицы, лежавшие в палате; они охотно передавали малышку из рук в руки. Все они стали свидетельницами предсмертных мук Арнии и знали: по воле Провидения любая из них может пополнить клиентуру гробовщика.

Роза перевела взгляд на подошедшую сестру. Это была мисс Кабот, к которой после смерти Агнес Пул перешли полномочия старшей сестры.

– Прошу прощения, мисс Коннолли, но покойную пора удалить отсюда.

– Она ведь только что скончалась.

– Прошло уже два часа, и нам необходима постель. – Мисс Кабот протянула Розе небольшой сверток. – Это вещи вашей сестры.

Там лежало несколько жалких вещичек, которые Арния взяла с собой в больницу: испачканная ночная рубашка, лента для волос и дешевенькое оловянное колечко с крашеным стеклом, с раннего детства служившее Арнии талисманом. Талисманом, который под конец все же не подействовал.

– Передайте это ее мужу, – велела сестра Кабот. – А теперь ее нужно перевезти.

Сначала Роза услышала поскрипывание колес, а затем увидела, что больничный служитель уже подвозит тележку.

– Я побыла с ней не так много времени.

– Ждать больше нельзя. Во дворе стоит готовый гроб. Вы условились с кем-нибудь о похоронах?

Роза покачала головой.

– Ее муж ни с кем ни о чем не условился, – горько проговорила она.

– Если семья не в состоянии платить, значит остается только благотворительное погребение.

Нищенские похороны – вот что она имела в виду. Арнию бросят в общую могилу вместе с безымянными коробейниками, попрошайками и ворами.

– Сколько у меня времени, чтобы с кем-нибудь договориться? – спросила Роза.

Сестра Кабот бросила нетерпеливый взгляд на ряды кроватей, словно размышляя о том, сколько дел ей еще предстоит переделать.

– Завтра в полдень за гробом приедет повозка, – проговорила она.

– Так скоро?

– Разложение не ждет. – Обернувшись, сестра подала знак терпеливо ожидавшему служителю, и тот подтолкнул тележку к кровати.

– Не сейчас. Прошу вас! – Роза потянула мужчину за рукав, пытаясь оттащить его от Арнии. – Нельзя же оставлять ее там, на холоде!

– Не создавайте трудностей, пожалуйста, – попросила сестра. – Если хотите устроить частные похороны, то вам необходимо условиться обо всем до завтрашнего полудня, иначе городские власти отправят ее на Южное кладбище. – Мисс Кабот бросила взгляд на служителя. – Увезите покойную.

Подсунув крепкие руки под тело Арнии, он поднял ее с кровати. Когда служитель уложил труп на ручную тележку, из горла Розы вырвался всхлип; девушка вцепилась в пла-

тье своей сестры, в юбку, на которой коричневыми разводами засохла кровь. Но ни слезы, ни мольбы не изменят того, что произойдет дальше. Арнию, прикрытую лишь холстом и марлей, вывезут на мерзлый двор; когда тележку затрясет по булыжникам, ее нежное тело будет биться о неотесанное дерево. Положит ли этот человек Арнию в гроб с осторожностью? Или просто свалит; бросит, словно мясную тушу, да так, что голова ударится о голые сосновые доски?

– Позвольте мне побыть с ней, – умоляла Роза, протягивая к мужчине руки. – Позвольте мне проследить, как будут ее хоронить.

– Да смотреть-то не на что, мисс.

– Я хочу удостовериться. Хочу знать, что с ней хорошо обращались.

Он пожал плечами:

– Я хорошо обращаюсь с ними. Но если хотите проследить, я не против.

– Есть другое дело, – снова заговорила сестра Кабот. – Ребенок. Мисс Коннолли, вы ведь не сможете как следует позаботиться о нем.

– Они зашли сюда, когда ты была в отлучке, Роза, – сказала женщина, лежавшая на соседней кровати. – Кто-то из детского приюта хотел забрать ее. Но мы бы не позволили. Вот бесстыдные люди – хотели утащить племянницу без твоего ведома!

– Господин Тейт отказался от родительских прав, – воз-

разила сестра Кабот. – Хотя бы он понимает, что́ лучше для ребенка.

– Ему нет дела до ребенка, – парировала Роза.

– Вы слишком молоды, чтобы вырастить его самостоятельно. Будьте разумны, дорогуша! Отдайте его тем, кто умеет это делать.

В ответ Роза выхватила Мегги из корзинки и крепко прижала к груди:

– Отдать ее чужим людям?! Только через мой труп!

Столкнувшись с неодолимым сопротивлением Розы, сестра Кабот раздраженно вздохнула:

– Поступайте как знаете. Если с младенцем случится беда, это останется на вашей совести. У меня нет на это времени, особенно сегодня, когда бедная Агнес… – Она нервно сглотнула и воззрилась на служителя – тот все еще стоял возле тележки, где лежало тело Арнии. – Продолжайте.

По-прежнему прижимая к себе Мегги, Роза вслед за служителем вышла из палаты, а затем и из больницы. Во дворе, в желтом свете лампы, она неотрывно наблюдала за тем, как Арнию кладут в сосновый ящик. Она смотрела, как служитель забивает гвозди; удары молотка звучали, словно выстрелы, и Розе казалось, что гвозди входят ей прямо в сердце. Заколотив крышку, служитель взял кусок угля и нацарапал: «А. Тейт».

– Это чтобы путаницы не вышло, – объяснил он, а затем выпрямился и посмотрел на девушку. – До полудня она будет

здесь. Подготовьте все к этому времени.

Роза опустила руку на крышку гроба. «Я что-нибудь придумаю, дорогая. Я позабочусь о том, чтобы тебя похоронили по-людски». Она обернулась шалью, прикрыв заодно и Мегги, и покинула больничный двор.

Роза не знала, куда идти. Уж точно не в меблированную комнату, где она жила со своей сестрой и Эбеном. Тот наверняка уже там, отсыпается после рома, и у нее нет никакого желания встречаться с ним. Лучше поговорить с зятем утром, когда он протрезвеет. Возможно, у Эбена нет сердца, зато есть холодный рассудок. Ему нужно сохранить мастерскую и поддержать репутацию. Одна злая сплетня, даже не сплетня, а лишь намек на нее, и колокольчик в его портняжной мастерской может умолкнуть навечно. Утром, решила она, мы с Эбеном договоримся о мире, и он пустит нас к себе, обеих. В конце концов, это его дочь.

Но сегодня им негде переночевать.

Она шла все медленнее. Затем звук ее шагов и вовсе замер. Роза устало остановилась на углу. По привычке она двинулась хорошо знакомой дорогой и теперь разглядывала улицу, по которой ходила накануне. Мимо с грохотом проехал четырехколесный экипаж, запряженный понурой лошадью с кривой спиной. Даже такая жалкая повозка с расшатанными колесами и залатанным верхом казалась девушке недосягаемой роскошью. Роза представила себе, что она, поставив усталые ноги на маленькую скамеечку, просто сидит как

королева, защищенная от ветра и дождя, а экипаж везет ее. Лошадь процокала мимо, и вдруг Роза заметила знакомый силуэт на противоположной стороне улицы.

– Ты слышала новость, мисс Роза? – осведомился Полоумный Билли. – Сестра Пул убита, там, в больнице!

– Да, Билли. Я знаю.

– Говорят, у нее был распорот живот, вот так. – Он провел пальцем по своему туловищу. – А голова отсечена мечом. И руки тоже. Трое видели, как он делал это, а он улетел прочь, словно большая черная птица.

– Кто тебе это рассказал?

– Госпожа Деркин, там, на конюшне. Ей об этом Краб сообщил.

– Глупый мальчишка этот Краб. Ты повторяешь глупости, а такого делать не стоит.

Билли примолк, и Роза поняла, что задела его за живое. Он волочился по булыжникам так, словно вместо ног у него были гигантские якоря. Из-под низко надвинутой шапки торчали огромные уши, как поникшие лопухи. Бедняга Билли так редко обижался, что нетрудно было забыть: даже его чувства можно ранить.

– Прости, – проговорила она.

– За что, мисс Роза?

– Ты передаешь то, что слышал. Но не все, что говорят люди, истинная правда. Некоторые из них лгут. Некоторые одержимы дьяволом. Нельзя доверять всем, Билли.

– Откуда ты знаешь, что это ложь? То, что рассказывал Краб?

Роза никогда не слышала от него такого сварливого тона, и ей вдруг очень захотелось сказать ему правду, что это она обнаружила сестру Пул. Нет, уж лучше молчать. Стоит шепнуть Билли хотя бы слово, и назавтра история изменится до неузнаваемости. Кто знает, насколько фантастичной будет тогда казаться роль Розы в этом происшествии?

«Ни к чему, чтобы обо мне судачили».

Она снова зашагала вперед, двигаясь в сторону знакомой местности; малышка по-прежнему крепко спала у нее на руках. «Если уж ночевать в канаве, то лучше в той, которую знаешь. Может, госпожа Комс, что живет на этой улице, пустит меня с Мегги в уголок на кухне, хотя бы на одну ночь. Я могла бы починить ее старый плащ, – думала Роза, – тот, с дырой, которая плохо заштопана. Уж наверняка этим можно отплатить за место на кухне».

– Я рассказал ночной страже обо всем, что видел, – сообщил Билли, который, чуть ли не пританцовывая, шагал по улице рядом с Розой. – Понимаешь, я гулял, искал Пятныша. И прошел туда-сюда по этой улице раз десять, поэтому стража решила, что со мной стоит поговорить.

– Конечно стоит.

– Мне жаль, что она умерла, потому что больше никто не станет мне давать поручений. И каждый раз платить по одному пенни; правда, последний раз она ничего не дала. Это

ведь несправедливо, да? Но об этом я ночной страже не сказал, пусть не думают, что я убил ее из-за этого.

– Билли, никто не станет думать о тебе такое.

– Всегда нужно платить за работу, но в этот раз она не заплатила.

Так они и шли вместе мимо темных окон, мимо притихших домов. «Сейчас так поздно, – вздохнула она про себя, – и все спят, кроме нас». Парень следовал за ней до тех пор, пока она не остановилась.

– Ты не будешь заходить? – спросил Билли.

Роза посмотрела на доходный дом госпожи О'Киф. Усталые ноги сами принесли ее к той двери, в которую она так много раз заходила. Стоит только подняться по лестнице, и окажешься в комнате, где они жили с Арнией и Эбеном, там стоит ее узкая кровать, с трудом втиснутая в занавешенную нишу. Тоненьких занавесок было недостаточно, чтобы заглушить звуки, доносящиеся с другой постели. Стоны Эбена во время физической близости, его храп и кашель по утрам. Она вспомнила, как нынче ночью его руки ощупывали ее бедра, и, вздрогнув, отвернулась, а затем двинулась прочь.

– Куда ты идешь? – поинтересовался Билли.

– Не знаю.

– Разве ты не пойдешь домой?

– Нет.

Билли догнал ее:

– Ты не будешь спать? Всю ночь?

– Мне нужно найти, где переночевать. Где-нибудь в тепле, чтобы Мегги не замерзла.

– Разве у госпожи О'Киф не тепло?

– Я не могу пойти туда сегодня, Билли. Господин Тейт очень зол на меня. Очень, очень зол. И я боюсь, что он может… – Остановившись, она вгляделась в туман, который, словно чьи-то жадные пальцы, обхватил ее за ноги. – Боже мой, Билли, – прошептала она. – Я так устала. Куда мне деваться с малышкой?

– Я знаю одно место, куда ты можешь пойти, – ответил он. – Одно укромное место. Но ты никому не должна о нем рассказывать.

Рассвет еще не до конца разогнал тьму, а Косой Джек уже запряг свою лошадь. Он вывел ее под уздцы из двора конюшни на мерзлые булыжники, которые в свете фонаря блестели, словно стекло, затем вскочил на козлы. В этот час он был здесь единственным возницей, а цоканье копыт и стук колес казались невероятно громкими на этой тихой улице. Те, кто, заслышав грохот проезжавшей телеги, начал ворочаться в своих постелях, наверняка решили, что мимо едет какой-нибудь торговец. Например, мясник доставляет на рынок туши или кирпичник свои кирпичи, а может, фермер развозит по конюшням связки сена. Лежащим в теплых постелях соням вряд ли придет в голову, какой груз скоро окажется в телеге, что именно провезет она мимо их окон. Жи-

вые не желают думать о мертвых, а потому покойники становятся невидимками – их заколачивают в сосновые гробы, зашивают в саваны, украдкой, под покровом ночи вывозят на грохочущих телегах. «А коли это кому-нибудь не по силам, в игру вступаю я, – хмуро улыбаясь, подумал Джек. – Если труп похитить живо, будет крупная нажива». Лошадиные копыта снова и снова отбивали эту рифму, а телега тем временем двигалась в северо-западном направлении, к реке Чарльз.

«Будет крупная нажива. Будет крупная нажива».

А где нажива, там и Джек Берк.

Внезапно в тумане прямо на пути у лошади возникла склоненная фигура. Джек резко потянул за поводья, и животное, фыркнув, остановилось. Перед ним метнулся какой-то подросток, зигзагообразно передвигавшийся туда-сюда по улице и размахивавший руками, точно осьминог щупальцами.

– Гадкий кутенок! Гадкий кутенок, иди ко мне сейчас же!

Собачка взвизгнула, когда паренек, настигнув ее, ухватил за шею. Крепко сжимая упиравшегося щенка, подросток выпрямился и, внезапно заметив, что на него из тумана неодобрительно взирает Джек, направил на него взгляд своих округлившихся глаз.

– Чертов недоумок Билли! – рявкнул Джек.

О, он, как никто, знал этого мальчишку, и сколько же от него было неприятностей! Постоянно крутится под ногами,

вечно ищет дармовые харчи и место для ночлега. Джек не однажды выгонял Полоумного Билли со двора своей конюшни.

– Уйди с дороги! Я же мог тебя сбить!

Парень уставился на него, открыв рот. У него было полно кривых зубов, а голова казалась слишком маленькой для неуклюжего подросткового тела. Билли глупо улыбнулся; тем временем пес по-прежнему пытался вырваться у него из рук.

– Он не всегда приходит, когда я зову. Он должен вести себя хорошо.

– Ты о себе-то позаботиться не в силах, зачем тебе, черт возьми, еще и собака?

– Он мой друг. Его зовут Пятныш.

Джек бросил взгляд на черную шавку, у которой, насколько он мог судить, не было ни единого пятнышка.

– Вот уж действительно, лучше имени и не придумаешь.

– Мы вот бродим, молоко ищем. Понимаете, младенцам нужно молоко, а она выпила все, что я раздобыл прошлой ночью. Нынче утром она проголодается, а когда они есть хотят, они плачут.

«И о чем только болтает этот дуралей?» – подумал Джек.

– Уйди с дороги, – велел он. – Мне пора заняться делом.

– Хорошо, господин Берк! – Мальчишка посторонился, пропуская лошадь. – У меня тоже когда-нибудь будет свое дело.

«Не сомневайся, Билли. Не сомневайся», – усмехнулся

про себя Джек, рванул поводья, и телега, пошатнувшись, устремилась вперед. Не успела лошадь сделать и нескольких шагов, как Джек, внезапно потянув за поводья, снова остановил ее. Он обернулся и бросил взгляд на долговязую фигуру Билли, наполовину скрытую туманом. Хотя мальчишке наверняка уже шестнадцать или даже семнадцать, он весь кожа да кости, и силы у него не больше, чем у скрипучей деревянной куклы. Но две пары рук лучше, чем одна.

И обойдется он недорого.

– Эй, Билли! – позвал его Джек. – Хочешь получить девятипенсовик?

Парень заторопился к нему, по-прежнему сжимая злосчастного питомца в своих удушающих объятиях.

– За что, господин Берк?

– Брось собаку и залезай сюда.

– Но мы должны раздобыть молоко.

– Тебе нужен девятипенсовик или нет? На него ты сможешь купить молоко.

Билли опустил собачонку на землю, и та немедленно помчалась прочь.

– Сейчас же иди домой! – приказал ей Билли. – Правильно, Пятныш!

– Залезай, парень!

Билли вскарабкался в телегу и опустил свой тощий зад на козлы.

– Куда мы едем?

Джек потянул поводья:

– Увидишь.

Они покатили сквозь плывущие полосы тумана, мимо домов, в окнах которых постепенно загорались свечи. Кроме доносившегося издалека собачьего лая, узкую улицу оглашали только цоканье лошадиных копыт и грохот, что издавали колеса их телеги.

Обернувшись, Билли оглядел повозку:

– А что под парусиной, господин Берк?

– Ничего.

– Но ведь там что-то есть. Я вижу.

– Если хочешь получить девятипенсовик, лучше заткнись.

– Ладно. – В течение пяти секунд Билли молчал. – А когда я его получу?

– Когда поможешь мне кое-что перенести.

– Какую-нибудь мебель?

– Ага. – Джек плюнул на мостовую. – Кое-какую мебель.

Они почти добрались до реки Чарльз и теперь ехали по Норд-Аллен. Дневной свет постепенно вступал в свои права, однако туман все еще не рассеялся. Приближаясь к цели, Джек заметил, что марь по-прежнему наступает, поднимаясь от реки и даря им надежное укрытие. Когда они наконец остановились, Джек с трудом различал, что находится в нескольких метрах от него, однако и без того прекрасно знал, куда он приехал.

Знал это и Билли.

– Что мы будем делать в больнице?

– Подожди здесь, – скомандовал Джек.

Он спрыгнул с телеги, и подошвы его башмаков громко ударились о мостовую.

– Когда мы будем переносить мебель?

– Сначала надо посмотреть, там ли она.

Распахнув калитку, Джек оказался на заднем дворе больницы. Ему пришлось сделать всего несколько шагов, прежде чем он наткнулся на добычу, которую надеялся обнаружить, – недавно заколоченный гроб. На нем было нацарапано имя: «А. Тейт». Джек ухватился за один конец, чтобы проверить, сколько он весит, и постановил: да, ящик не пустой и скоро его увезут. Судя по грубым сосновым доскам, на нищенское кладбище.

Джек принялся взламывать крышку. Долго возиться ему не пришлось – гвоздей было не много. Никому нет дела до того, надежно ли заколочен гроб бедняка. Открыв крышку, он увидел внутри тело в саване. Судя по всему, не тяжелое; он бы справился с ним и без Полоумного Билли.

Джек вернулся к телеге, где его по-прежнему ждал мальчик.

– Это стул? Или стол? – спросил Билли.

– О чем ты там болтаешь?

– О мебели.

Джек подошел к повозке сзади и сдернул парусину.

– Помоги мне перенести его.

Билли сполз с козел и обогнул телегу.

– Это бревно.

– Ты очень сообразителен.

Ухватившись за один конец, Джек вытащил колоду из телеги.

– Это на дрова? – поинтересовался Билли, хватаясь за другой конец. – Разве его не нужно расколоть?

– Неси тихо, а?

Подтащив бревно к гробу, они опустили его на землю.

– Теперь помоги мне вытащить вот это, – скомандовал Джек.

Бросив взгляд внутрь гроба, Билли замер:

– Там кто-то лежит.

– Давай, берись за тот конец.

– Но это… это какой-то покойник.

– Ты хочешь получить девятипенсовик или нет?

Широко распахнутые глаза Билли казались огромными на его сероватом костлявом лице.

– Я боюсь мертвецов.

– Они тебя не тронут, идиот!

Мальчик попятился:

– Они будут преследовать тебя. Призраки-то.

– Ни разу не видел призрака.

Мальчик продолжал отступать, двигаясь в сторону калитки.

– Билли! Немедленно вернись, сукин сын!

Но вместо этого мальчик повернулся и бросился прочь со двора. Его фигура, дергаясь, как марионетка, растаяла в тумане.

– Бестолочь, – проворчал Джек.

Глубоко вдохнув, он поднял обернутое в саван тело и вытащил его из гроба. С глухим звуком оно опустилось на булыжники.

На улице почти рассвело. Нужно действовать быстро, чтобы никто не увидел. Джек швырнул бревно в гроб, накрыл крышкой и несколькими взмахами топора снова заколотил его. «Упокойтесь с миром, господин Обрубок», – усмехнувшись, подумал Джек. Потом он потащил зашитый в саван труп через двор к своей телеге. Там он остановился, тяжело дыша и оглядывая улицу. Никого не было видно.

Через несколько секунд Джек уже снова управлял телегой, погоняя лошадь по Норд-Аллен. Бросая взгляды через плечо, он то и дело проверял состояние своего обернутого парусиной груза. Сам труп он так и не разглядел, но в этом не было особой нужды. Молодой или старый, мужского пола или женского – он свежий, а это самое главное. На сей раз деньги не придется делить ни с кем, даже с Полоумным Билли.

Джек только что сэкономил девятипенсовик. За это не грех и поднапрячься.

9

Проснувшись, Роза обнаружила рядом с собой спящую Мегги, услышала кудахтанье, хлопанье птичьих крыльев и шорох соломы. Все эти звуки показались Розе непривычными, и ей пришлось несколько минут подумать, припоминая, где она находится.

И вспомнить: Арния умерла.

Сердце сжалось от горя, словно его стиснули в кулаке, да так сильно, что на мгновение девушка перестала дышать. Впившись взглядом в грубо отесанные балки на потолке сарая, она подумала: «Этой боли мне не вынести».

Раздававшийся поблизости равномерный шорох заставил ее обернуться – на нее смотрела черная собачка; животное махало хвостом, который задевал сноп сена. Пес отряхнулся, разбрасывая в разные стороны соломинки и пыль, а потом подбежал к Розе и принялся вылизывать ей лицо, размазывая по щеке слюну. Девушка оттолкнула его и села. Собачонка жалобно заскулила и бросилась вниз по лестнице. Выглянув с сеновала, Роза проследила, как пес целеустремленно, будто бы торопясь на какую-то встречу, промчался мимо стоявшей в стойле лошади, а затем выскочил через открытую дверь амбара. Вдалеке закричал петух.

Роза оглядела сеновал. Куда же подевался Билли?

Вот, значит, где он прячется. Среди снопов сена и ржаве-

ющей утвари тут и там виднелись следы его присутствия. В том месте, где он спал прошлой ночью, солома была примята. На перевернутом ящике стояли треснутая чашка, блюдце и разделочная доска – столовый прибор на одну персону. Мысль о его изобретательности вызвала у Розы улыбку. Прошлой ночью после недолгого отсутствия Билли вернулся с кружкой драгоценного молока, которое наверняка украдкой надоил у чужой коровы или козы. Роза не стала спрашивать, откуда Билли взял его, – Мегги сосала пропитанную молоком тряпицу, а девушка была счастлива, что хоть чем-то утолила голод малютки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.